

Лемони Сникет

ТРИДЦАТЬ ТРИ НЕСЧАСТЬЯ

Том 1

Злоключения начинаются

Книги Лемони Сникета стали второй по популярности детской серией, уступившей первенство лишь саге о Гарри Поттере.

The New York Times

Лемони Сникет

**Тридцать три несчастья. Том
1. Злоключения начинаются**

«Азбука-Аттикус»

1999–2000

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

Сникет Л.

Тридцать три несчастья. Том 1. Злоключения начинаются /
Л. Сникет — «Азбука-Аттикус», 1999–2000

ISBN 978-5-389-16534-2

Дорогой читатель, одумайся! Может, тебе вовсе не стоит заглядывать под обложку книги Лемони Сникета? Ведь ты не найдешь в ней веселых и беззаботных историй. Совсем наоборот: тебя и юных героев повестей Вайолет, Клауса и Солнышко Бодлер ждут все тридцать три несчастья. Одним ничем не примечательным, но очень трагичным днем дети узнают, что их родители погибли. Желающих взять сирот к себе предостаточно, но самый ужасный среди всех – циничный злодей Граф Олаф. Он преследует Бодлеров, куда бы они ни направились. Беды сыпятся на голову детей, как конфетти из хлопушки. И только сила духа и взаимовыручка помогают Вайолет, Клаусу и Солнышку раз за разом выпутываться из неприятностей. Мрачные юмористические истории о приключениях детей Бодлер стали настолько популярны во всем мире, что легли в основу фильма «Лемони Сникет. 33 несчастья», в котором сыграли Джим Керри, Джуд Лоу и Мэрил Стрип. Совсем недавно компанией «Netflix» был снят и одноименный сериал. Главные роли в нем исполнили Нил Патрик Харрис, Малина Вайсман и Луи Хайнс. Выход третьего сезона запланирован на 2019 год. В первый том «Злоключения начинаются» вошли четыре повести цикла: «Скверное начало», «Змеиный Зал», «Огромное окно» и «Зловещая лесопилка».

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16534-2

© Сникет Л., 1999–2000
© Азбука-Аттикус, 1999–2000

Содержание

Скверное начало	7
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	27
Глава шестая	32
Глава седьмая	36
Глава восьмая	39
Глава девятая	42
Глава десятая	47
Глава одиннадцатая	51
Глава двенадцатая	54
Глава тринадцатая	58
Змеиный зал	65
Глава первая	67
Глава вторая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Лемони Сникет
Тридцать три несчастья. Том
1: Злоключения начинаются
Повести

Lemony Snicket

A Series of Unfortunate Events

Copyright © 2000 by Lemony Snicket THE BAD BEGINNING

Copyright © 1999 by Lemony Snicket THE REPTILE ROOM

Copyright © 1999 by Lemony Snicket THE WIDE WINDOW

Copyright © 2000 by Lemony Snicket THE MISERABLE MILL

Illustrations copyright © 1999 by Brett Helquist

© Н. Л. Рахманова, перевод, 2003

© Н. Н. Тихонов (наследник), перевод, 2003

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА ®

Скверное начало *Перевод Н. Рахмановой*

*Посвящается Беатрис —
родной, любимой, умершей*

Дорогой читатель!

Как ни жаль, но я вынужден предупредить, что книга, которую вы держите в руках, в высшей степени невеселая. Она содержит грустную историю о трех очень невезучих детях. Жизнь бодлеровских отпрысков, умных и обаятельных, полна страданий и бед. С первой же страницы, когда дети, находясь на пляже, узнают страшную новость, и дальше — на них так и сыпятся несчастья. Они, если можно так выразиться, просто притягивают невзгоды.

На протяжении только одной этой короткой повести трое детей сталкиваются с отвратительным жадным негодяем, с одеждой, вызывающей чесотку, с гибельным пожаром, с попыткой украсть у них наследство и с холодной кашей на завтрак.

Записать все эти неприятные истории — мой печальный долг, но вам ничто не мешает сразу отложить книгу в сторону и почитать что-нибудь более радостное, если вам это больше по вкусу.

*Со всем подобающим почтением,
Лемони Сникет*

Глава первая

Если вы любите истории со счастливым концом, вам лучше взять другую книгу. А у этой не только нет хорошего конца, но и начало плохое, и в середине мало чего хорошего. И все потому, что в жизни троих бодлеровских детей случалось не слишком много счастливых событий. Вайолет, Клаус и Солнышко Бодлер были дети смысленные, обаятельные, находчивые, приятной внешности, но на редкость невезучие. Их просто преследовали неудачи, невзгоды и огорчения. Мне неприятно вам об этом говорить, но что есть, то есть.

Несчастья начались в тот день, когда они играли на Брайни-Бич. Дети жили со своими родителями Бодлерами в огромном доме в центре грязного шумного города, но изредка родители разрешали им сесть на рахитичный троллейбус («рахитичный» здесь означает «шаткий, ненадежный») и самостоятельно поехать на пляж, где они и проводили своего рода каникулы весь день до позднего обеда. То утро выдалось пасмурное, облачное, но бодлеровских детей это нисколько не огорчило. В жаркие солнечные дни на берегу набиралось полным-полно туристов, так что одеяло положить было некуда. А в пасмурные облачные дни пляж оставался в их личном распоряжении и они могли делать что захочется.

Старшей из них, Вайолет Бодлер, нравилось бросать камешки по воде, иначе говоря, «печь блины». В свои четырнадцать лет она уже вышла из того возраста, когда чаще пользуются левой рукой, и была настоящей правшой, и когда бросала камешки правой рукой, они скакали по темной воде дальше, чем когда бросала левой. Одновременно она вглядывалась в горизонт и обдумывала новое изобретение. Всякий, кто хорошо знал Вайолет, сразу мог догадаться, что она погружена в мысли, если ее длинные волосы перевязаны лентой, чтобы не лезли в глаза. Вайолет действительно умела изобретать и мастерить всякие необычные механизмы, в голове у нее вечно толпились воображаемые шестерни, блоки и рычаги, и поэтому она не желала, чтоб ее отвлекали такие пустяки, как волосы. В то утро она размышляла над тем, как соорудить устройство, которое бы возвращало назад пущенный по воде камешек.

Клаус Бодлер, средний ребенок и единственный мальчик в семье, любил разглядывать живых существ, остававшихся на берегу после отлива. Клаусу не так давно исполнилось двенадцать. Очки на носу придавали ему очень умный вид. Но он и вправду был умный мальчик. У родителей была обширная домашняя библиотека – целая комната, тысячи книг на всевозможные темы. В свои двенадцать лет Клаус, разумеется, прочел еще не все эти книги, но успел прочитать довольно много, и в памяти у него накопилась уйма полезных сведений. Он знал, как отличить аллигатора от крокодила. Знал, кто убил Юлия Цезаря. И очень хорошо разбирался в крошечных скользких тварях, которые водились на пляже Брайни-Бич и которых он сейчас рассматривал.

Солнышко Бодлер, младшая, любила кусать все подряд. Она едва вышла из младенчества, но даже и для своего возраста была очень мала ростом – чуть побольше башмака. Зато в возмещение малого роста ее четыре зуба были большие и острые. Она пребывала в том возрасте, когда издают в основном нечленораздельные звуки. Если только она не употребляла те несколько настоящих слов, которые имелись в ее словаре (к примеру, «мам», «пить» и «кус»), окружающие обычно не понимали, что она хочет сказать. Сейчас она, например, без устали выкрикивала «гак!», что, возможно, означало: «Смотрите, какая странная фигура показалась из тумана!»

И в самом деле, по берегу в их сторону шагал кто-то высокий. Солнышко заметила его уже давно и долго кричала, чтобы привлечь внимание брата и сестры, прежде чем Клаус наконец оторвался от рассматривания колючего краба и тоже увидел фигуру, вышедшую из тумана. Он тронул Вайолет за руку, чтобы вывести ее из изобретательской задумчивости.

– Смотри! – Клаус показал ей приближавшееся существо, и теперь дети уже могли разглядеть кое-какие детали. Ростом оно было со взрослого человека, но голова казалась вытянутой и какой-то прямоугольной.

– Что это такое, как ты думаешь? – спросила Вайолет.

– Не знаю, – Клаус прищурился, – по-моему, оно направляется к нам.

– А к кому же еще, – несколько нервно ответила Вайолет, – на пляже мы одни.

Она сжала крепче гладкий плоский камешек, который держала в левой руке, и как раз собиралась закинуть его как можно дальше. Ей вдруг захотелось бросить его в приближавшуюся фигуру – уж очень она была пугающая.

– Оно только кажется жутким из-за тумана. – Клаус будто прочитал мысли сестры.

И он был прав: как только непонятное существо подошло близко, дети с облегчением увидели, что это вовсе не кто-то страшный, а знакомый им мистер По. Мистер По, приятель их родителей, которого дети часто видели на праздничных обедах. Что особенно нравилось детям Бодлеров в родителях, так это то, что они не отсылали их наверх, когда приходили гости, а, наоборот, разрешали сидеть со взрослыми за столом и участвовать в разговорах, пока не наступало время убирать со стола. Детям так хорошо запомнился мистер По, потому что он всегда бывал простужен и то и дело с извинениями вставал из-за стола, чтобы прокашляться в соседней комнате.

Мистер По снял шляпу с высокой тульей, из-за которой голова его и показалась в тумане детям длинной и прямоугольной, и постоял немного, кашляя в платок. Вайолет и Клаус шагнули ему навстречу и пожали руку.

– Как поживаете? – сказала Вайолет.

– Как поживаете? – повторил Клаус.

– Ка-а по-о-ва-а! – крикнула Солнышко.

– Отлично, благодарю вас, – ответил мистер По с грустным видом.

Несколько секунд все молчали, а дети гадали, что делает мистер По на пляже, когда он должен находиться в банке на работе. И одет он был совсем не по-пляжному.

– Приятный денек, – сказала наконец Вайолет, чтобы завязать разговор.

Солнышко пискнула, как рассерженная птица, и Клаус взял ее на руки.

– Да, приятный, – рассеянно ответил мистер По, глядя на пустынный берег. – Боюсь, у меня для вас очень плохие новости.

Вся троица уставилась на него во все глаза. Вайолет с некоторым смущением сжала камешек в левой руке, радуясь, что не успела бросить им в мистера По.

– Ваши родители, – произнес мистер По, – погибли в страшном пожаре.

Дети не проронили ни слова.

– Пожар уничтожил весь дом. Мне ужасно, ужасно тяжело сообщать вам об этом, милые мои.

Вайолет отвела взгляд от мистера По и опять устремила его на океан. Никогда раньше мистер По не обращался к ним «милые мои». Она поняла, что он им сказал, но подумала, что это шутка, что он так жестоко шутит с ними.

– «Погибли» означает «умерли», – пояснил мистер По.

– Мы знаем, что значит слово «погибли», – сердито отозвался Клаус. Слово он знал, но пока не мог уяснить смысл сказанного. Ему показалось, что мистер По просто не так выразился.

– Пожарные, разумеется, приехали, – продолжал мистер По, – но они опоздали. Весь дом был охвачен огнем. И он сгорел дотла.

Клаус представил себе, как горят книги в их библиотеке. Теперь ему уже не прочитать их все.

Мистер По откашлялся и продолжал:

– Меня попросили разыскать вас здесь и увезти к себе. Какое-то время вы поживете у меня в доме, а тем временем мы сообразим, как быть дальше. Я являюсь душеприказчиком ваших родителей. Это значит, что я обязан распорядиться их громадным состоянием и должен придумать, где вы будете жить. Когда Вайолет достигнет совершеннолетия, состояние перейдет к вам, но все равно, пока вы не повзрослеете, деньгами будет заведовать банк.

Хотя мистер По назвал себя душеприказчиком, в ушах Вайолет это слово прозвучало как «душегуб»: откуда ни возьмись появился на пляже и навсегда перевернул их жизнь.

– Пойдемте со мной. – И мистер По протянул руку. Пришлось Вайолет разжать руку с камешком. Клаус взялся за ее другую руку, Солнышко – за свободную руку Клауса, и так, троих бодлеровских детей – вернее, бодлеровских сирот – увели с пляжа и из их прежней жизни.

Глава вторая

Бесполезно было бы описывать, как убийственно чувствовали себя Вайолет, Клаус и даже Солнышко в своей новой жизни. Если вам доводилось терять кого-то очень близкого, без кого никак не обойтись, то вы уже знаете, каково это, а если не доводилось, тогда все равно этого не представить. А юным Бодлерам это было особенно тяжело, ведь они потеряли сразу обоих родителей. Несколько дней дети чувствовали себя такими несчастными, что с трудом заставляли себя вылезать из постели. Клаус потерял всякий интерес к книгам. Рычажки и колесики в изобретательском мозгу Вайолет перестали крутиться. И даже Солнышко, которая была слишком мала, чтобы понимать происходящее, теперь кусала все вокруг с меньшим энтузиазмом.

Ну и конечно, не легче было им от того, что они вдобавок лишились своего родного дома и всего имущества. Уверен, вам уже довелось убедиться, что стоит оказаться у себя в комнате, на своей кровати – и мрак скверных обстоятельств немного рассеивается. Но даже кровати у бодлеровских сирот превратились в горелый хлам. Мистер По сводил их на пепелище – посмотреть, не уцелело ли там что-нибудь из вещей, но зрелище им предстало ужасное: микроскоп Вайолет оплавился в огне пожара почти до неузнаваемости, любимая авторучка Клауса превратилась в пепел, а все резиновые кольца для прорезывающихся зубов у Солнышка растаяли. Там и сям дети узнавали кое-какие приметы своего любимого дома: останки рояля, изящную бутылку, в которой мистер Бодлер держал бренди, обгорелую подушку с подоконника, на которой мама любила сидеть, когда читала...

Словом, их родного дома не существовало и приходиться в себя после страшной утраты им пришлось в семье По, что было не так-то приятно. Мистер По в основном отсутствовал, так как, видимо, очень много занимался делами Бодлеров, а бывая дома, столько кашлял, что не мог вести разговоры. Миссис По купила всем троим одежду, от которой чесалось тело и к тому же каких-то диких расцветок. А с двумя их сыновьями – Эдгаром и Альбертом, – шумными противными мальчишками, сиротам приходилось делить тесную комнату, где пахло на удивление гадкими цветами.

Но даже и при таком окружении дети испытали смешанные чувства, когда за скучным обедом, состоявшим из вареной курицы, отварного картофеля и бланшированной (здесь это означало «вареной») фасоли, мистер По вдруг заявил, что на следующее утро они покидают его дом.

– Вот и хорошо, – сказал Альберт, у которого рот был набит картошкой. – Опять будем в комнате одни. Надоела мне давка. Вайолет и Клаус вечно ходят с унылым видом, такая скука.

– А маленькая девчонка кусается, – добавил Эдгар, бросая куриную косточку на пол, как обезьяна в зоопарке, а не сын уважаемого члена банковского сообщества.

– А куда мы переедем? – с опаской спросила Вайолет.

Мистер По открыл было рот, чтобы ответить, но тут же разразился кашлем, – впрочем, приступ длился недолго.

– Я договорился, чтобы вас взял к себе ваш дальний родственник. Он живет на противоположном конце города, зовут его Граф Олаф.

Вайолет, Клаус и Солнышко переглянулись, не зная, как к этому отнестись. С одной стороны, в семействе По им больше жить не хотелось. С другой стороны, они никогда ничего не слыхали о Графе Олафе и не знали, что он за человек.

– Согласно пожеланию ваших родителей, высказанному в завещании, – продолжал мистер По, – воспитание должно быть сопряжено с наименьшими затруднениями. Тут, в городе, вы скорее привыкнете жить на новом месте, а Граф Олаф единственный родственник, который живет в пределах города.

Клаус с минуту обдумывал услышанное, с трудом прожевывая фасоль.

– Но родители никогда не упоминали про Графа Олафа. Кем он нам приходится?

Мистер По вздохнул и покосился на Солнышко – она кусала вилку и внимательно прислушивалась.

– Он не то троюродный дедушка, не то четвероюродный дядя, что-то в этом роде. Не самый близкий родственник генеалогически, но ближайший географически. Поэтому...

– Если он живет тут, в городе, – вмешалась Вайолет, – почему же родители ни разу не приглашали его в гости?

– Ну, может быть, потому, что он очень занятой человек, – предположил мистер По. – По профессии он актер и часто ездит по свету с разными театральными труппами.

– Я думал, он граф, – протянул Клаус.

– Одно другому не мешает, – возразил мистер По. – Не хочу вас торопить, но вам, дети, надо укладывать вещи, а мне надо вернуться в банк и еще потрудиться. У меня прибавилось дел с тех пор, как я стал вашим законным опекуном.

У детей осталось еще много вопросов к мистери По, но он уже встал из-за стола и, слегка махнув им рукой в знак прощания, покинул комнату. Они услышали его кашель, а затем входная дверь со скрипом закрылась за ним.

– Так, – сказала миссис По, – вы трое идете укладываться. А вы, Эдгар и Альберт, можете мне убрать со стола.

Бодлеровские сироты отправились в спальню и с удрученным видом начали паковать свои немногочисленные пожитки. Клаус, с отвращением беря в руки каждую очередную безобразную рубашку, купленную миссис По, клал ее в чемоданчик, а Вайолет оглядывала тесную, дурно пахнущую комнату. Солнышко в это время ползала по полу и деловито кусала башмаки Эдгара и Альберта, оставляя на каждом следы своих зубок на память о себе. Время от времени дети поглядывали друг на друга, но будущее их было таким смутным, что разговаривать не хотелось. Они проворочались всю ночь и, можно сказать, почти не спали из-за громкого храпа Эдгара и Альберта и собственных тревожных мыслей. Наконец мистер По постучал в дверь и заглянул в комнату.

– «Дети, в школу собирайтесь», – пропел он. – Пора отправляться к Графу Олафу.

Вайолет в последний раз оглядела заставленную кроватями комнату, и, хотя здесь было неуютно, ей вдруг страшно не захотелось уезжать.

– А что, надо ехать прямо сейчас? – спросила она.

Мистер По открыл было рот, но тут же закашлялся и ответил не сразу:

– Да, прямо сейчас. Я завезу вас к Графу Олафу по дороге в банк, так что едем как можно скорее. Вставайте, пожалуйста, и одевайтесь, – добавил он бодро (в данном случае «бодро» означало «торопя бодлеровских детей поскорее покинуть его дом»).

И дети покинули дом. Машина мистера По загрохотала по булыжной мостовой в сторону района, где жил Граф Олаф. Они проехали по аллее Уныния мимо экипажей, запряженных лошадьми. Мимо мотоциклистов. Мимо фонтана Каприз, искусно высеченного из камня сооружения, время от времени выплевывавшего воду, в которой плескались малыши. Они проехали мимо огромной груды земли, где раньше был Королевский парк. И вот уже мистер По свернул в узкий проулок, по обеим сторонам которого стояли домики из светлого кирпича, и остановился где-то на середине.

– Вот мы и тут, – сказал мистер По деланно веселым тоном. – Это ваш новый дом.

Дети выглянули наружу и увидели самый очаровательный домик в этом квартале. Кирпичи были отчищены, через широкие распахнутые окна виднелись разные ухоженные растения. В дверях, держась за сверкающую медную ручку, стояла пожилая женщина и улыбалась детям. В свободной руке она держала цветочный горшок.

– Здравствуйте! – крикнула она. – Наверное, вы те дети, которых усыновил Граф Олаф?

Вайолет открыла дверцу машины и вышла наружу, чтобы пожать протянутую ей руку. Рука у женщины была теплая, пожатие крепкое, и девочке впервые за долгое время подумалось, что в ее жизни и в жизни брата и сестры все еще может обернуться не так уж плохо.

– Да, – ответила она. – Мы те самые дети. Я – Вайолет Бодлер, это мой брат Клаус и сестра Солнышко. А это мистер По, он занимается нашими делами с тех пор, как погибли наши родители.

– Да, я слыхала про несчастье. А я – госпожа юстиция Штраус.

– Какое странное имя, – заметил Клаус.

– Это не имя, а звание. Я – судья в городском суде.

– Потрясающе, – сказала Вайолет. – И вы замужем за Графом Олафом?

– Вот еще! – воскликнула судья Штраус. – Да я и знаю-то его мало. Просто он живет в соседнем доме.

Дети перевели взгляд с сияющего чистотой дома судьи Штраус на соседний: покрытые копотью и грязью кирпичи, два маленьких окошка, да и те завешены шторами, несмотря на славный день. Над крышей вздымалась потемневшая башня, слегка покосившаяся влево. Входную дверь требовалось покрасить заново. Посредине же двери было вырезано изображение глаза. Все сооружение осело на одну сторону, словно кривой зуб.

– У-у-у! – произнесла Солнышко, и все поняли, что она имела в виду: «Какой гадкий дом! Не хочу я тут жить!»

– Что ж, приятно было познакомиться, – сказала Вайолет.

– Мне тоже. – Судья Штраус кивком показала на цветочный горшок. – Может, когда-нибудь зайдете и поможете мне с цветами?

– С удовольствием, – печально отозвалась Вайолет. Конечно, приятно помочь судье Штраус с цветами, но поневоле приходит в голову, что еще гораздо приятнее было бы жить в доме у нее, а не у Графа Олафа. Каким же надо быть человеком, подумала Вайолет, чтобы вырезать изображение глаза у входа в дом?

Мистер По приподнял шляпу, когда судья Штраус, улыбнувшись детям, исчезла в дверях своего прелестного дома. Клаус шагнул вперед и постучал костяшками пальцев прямо в середину глаза. Через мгновение дверь со скрипом отворилась, и дети увидели перед собой Графа Олафа.

– Привет, привет, – прохрипел Граф Олаф. Он был очень высокий и очень худой, в сером грязном костюме. На небритом лице вместо двух бровей проходила одна длинная бровь. Глаза блестели особенным блеском, что придавало ему голодный и одновременно злобный вид. – Привет, дети мои. Входите, входите в ваш новый дом, только сперва вытрите за дверью ноги, чтобы не натащить грязи.

Войдя внутрь (мистер По последовал за ними), дети увидели, какую нелепость только что сказал Граф Олаф. Они очутились в грязнейшей в мире комнате, так что чуточку грязи с улицы ничего бы не изменило. Даже при тусклом свете одной голой лампочки, свисавшей с потолка, они разглядели, что все тут покрыто пылью – от чучела львиной головы, приколоченной к стене, до миски с огрызками яблок на небольшом деревянном столике. Оглядывая все вокруг, Клаус только усилием воли сдержал слезы.

– Похоже, над этой комнатой надо немного потрудиться, – проговорил мистер По, озираясь в полумраке.

– Я не сомневаюсь, что мой скромный домишко не так наряден, как бодлеровский особняк, – ответил Граф Олаф. – Но, возможно, с помощью их денег нам удастся сделать его поуютней.

Мистер По вытаращил от удивления глаза, и кашель его гулко разнесся по темной комнате.

– Состояние Бодлеров, – сурово произнес он, когда справился с кашлем, – нельзя тратить на такие нужды. Деньгами вообще нельзя пользоваться до совершеннолетия Вайолет.

Граф Олаф обернулся к мистеру По, и глаза его сверкнули, как у обозленного пса. Вайолет на миг показалось, что он сейчас ударит мистера По. Но он только сглотнул слюну (дети увидели, как на его тощем горле заходил кадык) и пожал плечами.

– Ну и ладно, – сказал он. – Мне все равно. Большое спасибо, мистер По, за то, что доставили их сюда. Пойдемте, дети, я покажу вам вашу комнату.

– До свидания, Вайолет, Клаус и Солнышко. – Мистер По попятился к двери. – Надеюсь, вам тут будет очень хорошо. Я иногда буду приходить, а меня всегда можно найти в банке, если у вас возникнут вопросы.

– Но мы даже не знаем, где ваш банк, – возразил Клаус.

– У меня есть карта города, – вмешался Граф Олаф. – До свидания, мистер По.

С этими словами он протянул руку к двери и закрыл ее, а трое сирот впали в такое отчаяние, что даже не успели бросить прощальный взгляд на мистера По. Им сейчас хотелось одного – остаться у мистера По, пусть у него в доме и стоит противный запах. Чтобы не смотреть на закрывавшуюся дверь, дети опустили глаза... И тут они заметили, что на ногах у Графа Олафа нет носков! А между обтрепанными отворотами брюк и черными башмаками на бледной коже ясно виднеется изображение глаза – точь-в-точь такое, как на входной двери. Интересно, подумалось им, сколько же еще глаз в доме у Графа Олафа? И неужели всю жизнь им суждено теперь ощущать, что Граф Олаф наблюдает за ними, даже когда его нет поблизости?

Глава третья

Не знаю, замечали ли вы, что первые впечатления часто бывают обманчивыми. Вы, например, впервые смотрите на какую-то картину, и она вам совершенно не нравится. Но, присмотревшись, вы находите, что она совсем недурна. Когда впервые вы пробуете горгонзолу (это такой голубой сыр с плесенью), он вам может показаться чересчур острым, но с возрастом вам может захотеться есть исключительно сыр с плесенью. Клаусу, когда Солнышко только родилась, она совсем не понравилась, но к тому моменту, как ей исполнилось шесть недель, их было уже не разлить водой. И так со временем может перемениться ваше первоначальное мнение по любому поводу.

Хотелось бы мне сказать вам, что первое впечатление у детей от Графа Олафа и его дома тоже оказалось неверным. Но, увы, их впечатление, что Граф Олаф кошмарный тип, а дом его – удручающе грязный свинарник, было абсолютно правильным. Первые несколько дней после вселения к Графу Олафу Вайолет, Клаус и Солнышко очень старались почувствовать себя как дома, но из этого ничего не вышло. Дом у Графа Олафа был вполне просторный, но он почему-то поместил всех в одну грязную спальню с одной небольшой кроватью. Вайолет с Клаусом спали на ней по очереди, так что каждую ночь кто-то спал на кровати, а кто-то на твердом дощатом полу. Однако матрас на постели был такой комковатый, что еще неизвестно, кому было хуже. Чтобы устроить постель для Солнышка, Вайолет пришлось снять с единственного окна в спальне пыльную штору и сложить ее в несколько раз, устроив таким образом подобие гнезда как раз по размерам маленькой сестры. Зато без занавески солнце с раннего утра светило в комнату через треснувшее оконное стекло, так что дети просыпались рано и совершенно разбитые. Вместо стенного шкафа в комнате имелся большой картонный ящик из-под холодильника, и туда-то кучей, одна вещь на другую, дети складывали свою одежду. Вместо игрушек, книг и прочих развлечений Граф Олаф приготовил для них груды булыжников. А единственным украшением на облезлых стенах было огромное уродливое изображение глаза – точно такое, как на щиколотке у Графа Олафа и повсюду в доме.

Дети знали, как наверняка знаете и вы, что самые скверные условия жизни переносить легче, если рядом с вами интересные и добрые люди. Граф Олаф не был ни интересным, ни

добрым: он был требовательным, раздражительным, и от него дурно пахло. Единственно, что можно сказать в его пользу, – он редко бывал дома. Проснувшись поутру и вытащив свою одежду из ящика, дети шли на кухню и там находили оставленный Графом Олафом список распоряжений. Сам он частенько являлся домой только глубокой ночью. Большую часть дня он проводил вне дома или же наверху в башне, куда детям ходить запрещалось. Задания он обычно давал им труднейшие: к примеру, перекрасить заднее крыльцо или же починить окна. Вместо подписи Граф Олаф рисовал внизу записки глаз.

И вот однажды оставленная им записка гласила: «Моя труппа зайдет пообедать перед вечерним представлением. Вы должны купить продукты, приготовить их, накрыть на стол, подать обед, убрать со стола и не путаться у нас под ногами». Внизу, как обычно, красовался глаз, а на столе под запиской лежала небольшая сумма денег на покупки.

Вайолет и Клаус прочитали записку за завтраком, состоявшим из серой с комками овсяной каши, какую Граф Олаф оставлял им каждое утро в кастрюльке на плите. Прочтя, они в испуге уставились друг на друга.

– Мы же не умеем готовить, – сказал Клаус.

– Верно, – вздохнула Вайолет. – Я знаю, как починить окна и как прочистить дымоход, только потому, что меня такие вещи интересуют. Но я не умею готовить ничего, кроме тостов.

– И то иногда их сжигаешь, – подхватил Клаус, и они улыбнулись. Оба вспомнили, как однажды встали пораньше, чтобы приготовить завтрак специально для родителей. Гост у Вайолет сгорел, и родители, почуяв гарь, прибежали сверху посмотреть, в чем дело. Когда их глазам предстали Вайолет и Клаус, в отчаянии глядевшие на угольки сгоревшего хлеба, они долго хохотали, а потом напекли оладий на всю семью.

– Вот бы они были тут, – вздохнула Вайолет. Не требовалось объяснять, кого она имеет в виду. – Они бы не отправили нас в это ужасное место.

– Будь они тут, – от волнения голос у Клауса звучал все громче, – мы бы вообще не оказались у Графа Олафа. Ненавижу я тут все, Вайолет! Ненавижу дом! Ненавижу нашу комнату! Ненавижу эти задания! Ненавижу Графа Олафа!

– Я тоже, – сказала Вайолет, и Клаус с облегчением посмотрел на старшую сестру. Бывает так – просто скажешь, что ненавидишь что-то, а кто-то с тобой согласится, и тебе сразу полегчает, хотя ситуация и останется такой же ужасной.

– Мне ненавистна наша теперешняя жизнь, Клаус, – продолжала Вайолет, – но нам остается одно – держать голову над водой.

Это выражение любил повторять их отец, и означает оно – «постараться не падать духом».

– Ты права, – согласился Клаус. – Только очень трудно держать голову над водой, когда Граф Олаф толкает ее под воду.

– Джук! – выкрикнула Солнышко, колотя ложкой по столу.

Вайолет и Клаус опомнились и поскорей вернулись к обсуждению записки Графа Олафа.

– Вот если бы найти поваренную книгу и почитать ее, – предложил Клаус. – Наверное, не так уж трудно приготовить что-нибудь простое.

Несколько минут дети открывали и закрывали кухонные шкафчики, но никаких поваренных книг не обнаружили.

– Нисколько не удивляюсь, – заметила Вайолет. – Мы вообще ни одной книги в доме не видали.

– Да, – печально поддакнул Клаус, – а мне так не хватает книжек. Надо будет на днях пойти поискать библиотеку.

– Но не сегодня, – одернула его Вайолет. – Сегодня мы должны приготовить обед на десять человек.

В эту минуту с улицы раздался стук в дверь. Вайолет и Клаус с волнением уставились друг на друга.

– Кому могло вздуматься навещать Графа Олафа? – с недоумением произнесла Вайолет.
– А может, кому-то захотелось повидать нас? – без особой надежды предположил Клаус.

С тех пор как Бодлеры-родители умерли, большинство бодлеровских друзей исчезли, что в данном случае означает «они перестали звонить, писать и заходить к сиротам, отчего те чувствовали себя очень одиноко». Мы-то с вами никогда бы так не поступили со своими горящими знакомыми, но такова уж жестокая правда жизни: стоит кому-то потерять близкого человека, и друзья нередко начинают его избегать, хотя именно тут и требуется их присутствие.

Вайолет, Клаус и Солнышко медленно приблизились к входной двери и посмотрели в глазок, который, естественно, имел форму глаза. С какой же радостью они увидели судью Штраус, которая глядела на них с той стороны. Они распахнули дверь.

– Судья Штраус! – вскричала Вайолет. – Как мы рады вас видеть! – Она хотела добавить: «Заходите, пожалуйста», но спохватилась, что судье Штраус, возможно, будет неприятно входить в грязную, темную комнату.

– Простите, что не зашла к вам раньше, – сказала судья Штраус детям, неловко топтавшимся в дверях. – Я все собиралась взглянуть, как вы тут устроились на новом месте, но в суде как раз проходило очень трудное дело, и оно отнимало у меня почти все время.

– А в чем оно заключается? – осведомился Клаус. Поскольку он был лишен чтения книг, он жаждал любой информации.

– Я, в общем-то, не имею права это обсуждать, – ответила судья Штраус, – оно касается должностных лиц. Могу только сказать, что речь идет о ядовитом растении и незаконном использовании кредитной карточки.

– Йи-ика! – выкрикнула Солнышко, как будто хотела сказать: «Как интересно!», хотя, конечно, вряд ли она поняла, о чем шел разговор.

Судья Штраус опустила глаза:

– Вот именно. – Она засмеялась и протянула руку, чтобы погладить девочку по голове. Солнышко тут же схватила ее руку и легонько куснула.

– Это значит, вы ей нравитесь, – объяснила Вайолет. – Она очень больно кусается, когда ей кто-то не нравится или когда ее купают.

– Понятно, – отозвалась судья Штраус. – И как же вы поживаете? Нет ли чего-нибудь, чего бы вам хотелось?

Дети переглянулись. Они перебрали в уме все, чего бы им хотелось. Например, еще одну кровать. Настоящую детскую кроватку для Солнышка. Занавеску на окно. Стенной шкаф вместо картонного ящика. Но больше всего им, естественно, хотелось никогда, ни под каким видом не иметь дела с Графом Олафом. Хотелось снова жить с родителями в родном доме. Но это было невозможно. Поэтому все трое грустно усталились в пол, раздумывая над вопросом. Наконец Клаус ответил:

– Нельзя ли взять у вас поваренную книгу? Граф Олаф велел нам приготовить сегодня к вечеру обед для его труппы, а поваренной книги в его доме мы не нашли.

– Вот так штука! – воскликнула судья Штраус. – Приготовить обед на целую театральную труппу! По-моему, это значит взваливать на детей слишком большой груз.

– Граф Олаф возлагает на нас большую ответственность. – На самом деле Вайолет хотелось сказать: «Граф Олаф очень плохой человек», но она была девочка воспитанная.

– Хорошо, почему бы вам в таком случае не пройти два шага до моего дома и не подобрать себе подходящую поваренную книгу?

Дети с готовностью отправились вслед за судьей Штраус в ее опрятный домик. Она провела их через нарядный холл, где пахло цветами, в огромную комнату, и, когда они увидели, что там находится, они чуть в обморок не упали от восторга, особенно Клаус.

Потому что это была библиотека. Не публичная, а частное собрание книг, принадлежащее судье Штраус. Полки шли вдоль каждой стены от пола до потолка, отдельные полки стояли

в разных местах комнаты, а также посередине комнаты. Единственным местом без книг был один из углов, где стояли несколько удобных на вид стульев и деревянный столик, а над ними свисали лампы – идеальное место для чтения. Не такая большая библиотека, как у родителей, но такая же уютная, и бодлеровские дети пришли в полный восторг.

– Вот это да! – вскричала Вайолет. – Какая замечательная библиотека!

– Большое спасибо, – поблагодарила судья Штраус. – Я собирала ее много лет и очень горжусь своим собранием. Можете брать какие угодно книги и когда угодно. Поваренные вот тут, на восточной стенке. Взглянем на них?

– Да, – сказала Вайолет, – а потом, если вы не против, я бы ужасно хотела взглянуть на книги по машиностроению. Мой главный интерес в жизни – изобретение механических вещей.

– А я бы хотел поискать книги про волков, – добавил Клаус, – последнее время меня увлекает тема диких животных Северной Америки.

– Каги! – выкрикнула Солнышко, что означало: «Не забудьте взять для меня книгу с картинками!»

Судья Штраус улыбнулась.

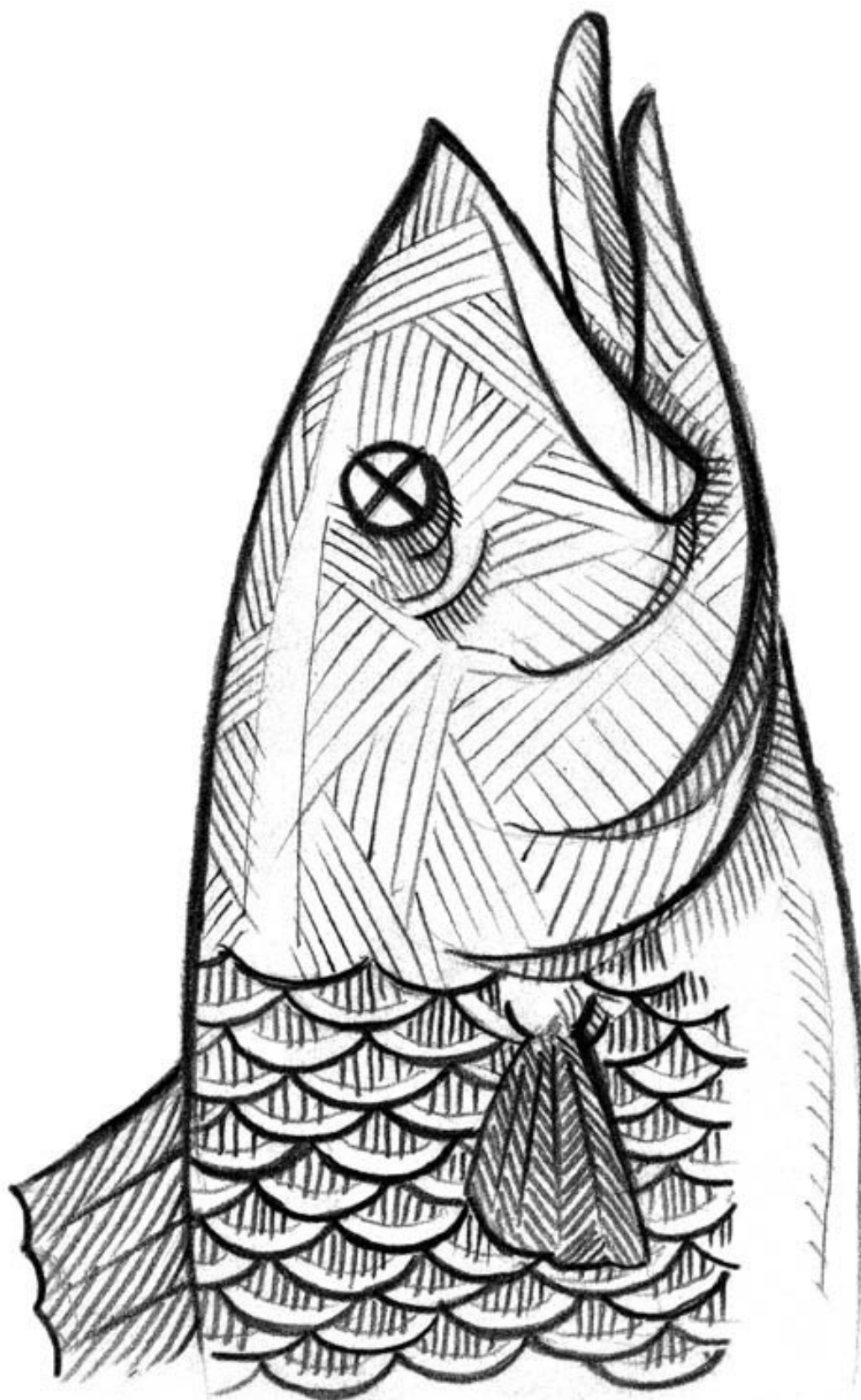
– Приятно встретить молодежь, которая так любит читать, – сказала она. – Но сперва, пожалуй, стоит поискать подходящий рецепт, как вам кажется?

Дети согласились с ней и полчаса изучали поваренные книги, которые отбирала для них судья Штраус. По правде говоря, дети пришли в такое возбуждение оттого, что вместо дома Графа Олафа оказались в этой уютной библиотеке, что никак не могли сосредоточиться на кулинарной теме. Наконец Клаус нашел блюдо, которое показалось ему восхитительным и не требовало особых трудов.

– Послушайте-ка, – сказал он. – «Путтанеска». Итальянский соус для спагетти. Надо всего лишь потушить в масле оливки, каперсы, анчоусы, чеснок, нарубленную петрушку и томаты в кастрюльке и сварить отдельно макароны.

– Как будто легко, – согласилась Вайолет, и бодлеровские дети обменялись взглядами. А вдруг благодаря соседству с доброй судьей Штраус и ее библиотекой им удастся устроить себе приятную жизнь с такой же легкостью, что и приготовить итальянский соус для Графа Олафа?

Глава четвертая

Дети записали рецепт соуса на клочке бумаги, а судья Штраус была так добра, что сама отвела их на рынок и помогла купить необходимые продукты. Денег Граф Олаф оставил им не очень-то много, но они сумели закупить все, что требовалось. У одного уличного торговца они приобрели оливки, перепробовав все сорта и выбрав свои любимые. Они высмотрели в лавочке макароны затейливой формы и разузнали у хозяйки, сколько их пойдет на тринадцать человек (десять гостей Графа Олафа и они трое). И наконец, в супермаркете они купили чеснок – луковичное растение с острым вкусом; анчоусы – маленькие соленые рыбешки; каперсы – бутоны цветков ползучего кустарника с удивительным вкусом; и помидоры, которые на самом деле не овощи, как считает большинство людей, а фрукты. Детям пришло в голову, что уместно было бы приготовить десерт, и они добавили несколько пакетиков с пудинговой смесью. А вдруг, если они приготовят вкусный обед, Граф Олаф немного похвалит?

– Спасибо вам огромное за то, что помогли нам с покупками, – сказала Вайолет, когда они все вместе возвращались домой. – Не знаю, что бы мы без вас делали.

– Вы мне кажетесь весьма сообразительными молодыми людьми, – ответила судья Штраус. – Полагаю, вы бы и сами что-нибудь да придумали. Но меня по-прежнему удивляет, что Граф Олаф велел вам приготовить такой огромный обед. Ну вот мы и пришли. Пойду разбирать свои покупки. Надеюсь, вы скоро опять придете и возьмете у меня книжки.

– Завтра? – быстро отозвался Клаус. – Можно, мы придем завтра?

– Почему бы и нет? – Судья Штраус улыбнулась.

– Я и выразить не могу, как мы ценим ваше приглашение, – произнесла Вайолет, старательно подбирая слова. С тех пор как их добрые родители умерли, а Граф Олаф так мерзко с ними обходился, дети отвыкли от доброго обращения и теперь не знали – должны ли они как-то отплатить за это. – Завтра, до того как выбирать книги, мы с Клаусом с радостью поможем вам по хозяйству. Солнышко, правда, слишком мала для работы, но мы и для нее что-нибудь придумаем.

Судья Штраус улыбнулась всем троем, но глаза ее оставались печальными. Она положила руку Вайолет на голову, и впервые за последнее время Вайолет стало спокойнее на душе.

– Это не обязательно, – сказала судья Штраус. – Я всегда буду рада видеть вас у себя.

С этими словами она повернулась и исчезла в дверях. А бодлеровские сироты, поглядев с минуту ей вслед, вошли в свой дом.

Почти всю вторую половину дня Вайолет, Клаус и Солнышко готовили соус соответственно рецепту. Вайолет прожарила в масле чеснок и накрошила анчоусы, Клаус очистил от кожицы помидоры и вынул косточки из оливок. Солнышко колотила по кастрюле деревянной ложкой, распевая довольно монотонную песенку, которую сочинила сама. И все трое почувствовали себя уже не такими несчастными, как все то время, что они жили у Графа Олафа. Запахи готовящейся пищи часто действуют успокоительно, и в кухне делалось все уютнее по мере того, как соус с бульканьем томился на плите, что на кулинарном языке означает «кипел на медленном огне». Дети вспоминали разные приятные события из своей жизни с родителями, говорили о судье Штраус, которую дружно признали замечательной соседкой, и мечтали о том, как много времени будут проводить в ее библиотеке. Разговаривая, они помешивали и пробовали шоколадный пудинг.

В тот момент, когда они ставили пудинг в холодильник, чтобы остудить, все трое услышали, как дверь с гулким грохотом распахнулась... и думаю, мне не нужно объяснять, кто вернулся домой.

– Сироты! – заорал Граф Олаф. – Эй, сироты! Где вы?!

– На кухне, Граф Олаф! – отозвался Клаус. – Обед почти готов.

– Советую поторопиться. – Граф Олаф вошел в кухню и уставил на них взгляд своих неестественно блестящих глаз. – Моя труппа будет вот-вот, и они очень голодны. А где ростбиф?

– Мы не делали ростбифа, – сказала Вайолет. – Мы приготовили соус путтанеска.

– Как? Нет ростбифа?!

– Вы не написали, что хотите именно ростбиф, – возразил Клаус.

Граф Олаф одним движением скользнул в их сторону и сейчас, вблизи, показался им еще выше. Глаза его заблестели еще сильнее, от гнева бровь с одной стороны задралась вверх.

– Согласившись усыновить вас, – прошипел он, – я стал вашим отцом и как отец не потерплю непослушания. Я требую, чтобы вы подали мне и моим гостям ростбиф!

– Но у нас его нет! – выкрикнула Вайолет. – Мы сделали соус!

– Нет! Нет! Нет! – прокричала Солнышко.

Граф Олаф перевел взгляд вниз, на Солнышко, которая так неожиданно издала осмысленные звуки. С каким-то нечеловеческим ревом он схватил ее костлявой рукой и поднял вверх, так что она очутилась на уровне его глаз. Нечего и говорить, она так перепугалась, что тут же заплакала и даже не попыталась укунить державшую ее руку.

– Немедленно отпусти ее, гад! – закричал Клаус. Он подпрыгнул, пытаясь вырвать девочку из графской лапы, но тот держал ее так высоко, что Клаусу было не достать. Граф Олаф взглянул с высоты своего роста на Клауса и улыбнулся отвратительной улыбкой, обнажив все зубы. Он поднял плачущую Солнышко еще выше, и казалось, вот-вот разожмет пальцы, но тут в соседней комнате раздался взрыв смеха.

– Олаф! Где Олаф?! – слышались голоса.

Граф Олаф помедлил, продолжая держать девочку на вытянутой вверх руке, а тем временем члены труппы начали стекаться в кухню. Вскоре они совсем заполнили ее – сборище личностей самого странного вида, разного роста и конфигурации. Лысый человек с очень длинным носом, одетый в длинный черный балахон. Две женщины, чьи лица, покрытые ярко-белой пудрой, делали их похожими на привидения. Вслед за женщинами показался человек с очень длинными тощими руками, которые оканчивались крюками вместо пальцев. Одно создание отличалось невероятной толщиной, и даже не разобрать было – мужчина это или женщина. А позади в дверях маячили какие-то не менее страшные фигуры.

– А-а-а, ты тут, Олаф! – воскликнула одна из женщин с белым лицом. – Что это ты делаешь?

– Да просто призываю к порядку своих сирот, – отозвался Граф Олаф. – Я им велел приготовить обед, а они сделали только омерзительный соус.

– Правильно, детей нельзя баловать, – поддакнул человек с крюками вместо рук. – Их надо научить слушаться старших.

Длинный лысый тип уставился на детей:

– Это те богатые дети, про которых ты мне рассказывал?

– Да, – ответил Граф Олаф. – Они такие противные, что я до них дотронуться не могу.

С этими словами он опустил все еще хнычущую Солнышко на пол, и Вайолет с Клаусом вздохнули с облегчением, радуясь, что он не уронил ее с такой высоты.

– И я тебя ничуть не виню за это, – проговорил кто-то в дверях.

Граф Олаф хорошенько обтер ладони одна об другую, как будто держал до сих пор не маленькую девочку, а что-то отвратительное.

– Ладно, хватит разговоров, – сказал он. – Наверное, мы все-таки съедим их обед, хоть он и никуда не годится. Все за мной в столовую! Сейчас выпьем вина, и когда эти щенки подадут свою стряпню, нам уже будет наплевать – ростбиф это или не ростбиф.

– Ур-ра! – заорали несколько человек, и труппа двинулась из кухни вслед за Графом Олафом. На детей никто и не смотрел, кроме лысого. Тот задержался и пристально поглядел Вайолет в глаза.

– Недурна, – сказал он, взяв ее за подбородок шершавыми пальцами. – Я бы на твоём месте постарался не сердить Графа Олафа, а то ведь он может испортить твою смазливую мордашку.

Вайолет содрогнулась, а лысый с визгливым смехом последовал за остальными.

Бодлеровские дети остались на кухне одни. Они тяжело дышали, как будто только что пробежали большое расстояние. Солнышко продолжала хныкать, а Клаус вдруг обнаружил, что и у него глаза на мокром месте. Не плакала только Вайолет, но она дрожала от страха и омерзения (что означает «неприятная смесь страха и отвращения»). Несколько секунд они не могли произнести ни слова.

– Какой ужас, – наконец выдал из себя Клаус. – Что мы будем делать, Вайолет?

– Не знаю, – ответила она. – Я боюсь.

– Я тоже.

– Бу-у-у! – выкрикнула вдруг Солнышко, перестав плакать.

– Обед давайте! – заорали из столовой, и члены труппы принялись ритмично, все враз, колотить по столу, что, как известно, в высшей степени невоспитанно.

– Несем скорей путтанеску, – решил Клаус, – а то неизвестно, что Граф Олаф с нами сделает.

Вайолет вспомнила, что сказал ей лысый, и кивнула. Они посмотрели на кастрюлю с кипящим соусом: пока они его готовили, он выглядел таким симпатичным, но сейчас им помешало, что перед ними чан с кровью. Оставив Солнышко в кухне, они вошли в столовую. Клаус нес миску с макаронами затейливой формы, а Вайолет – кастрюльку с соусом и большую разливательную ложку. Актеры болтали и гоготали, не переставая пили вино и никакого внимания не обращали на бодлеровских детей, когда те обходили стол и накладывали им по очереди еду. У Вайолет даже заболела правая рука, так она устала держать тяжелую поварешку. Она подумала, не переложить ли ей ложку в левую руку, но из-за того, что была правой, побоялась, что левой прольет соус и опять обозлит Графа Олафа. Глядя в отчаянии на полную тарелку Графа Олафа, она вдруг пожалела, что не купила на рынке яду и не положила его в соус. Наконец они всех обслужили и улизнули на кухню. Они слушали, как дико, грубыми голосами гогочут Граф Олаф и его гости, и без всякого аппетита ковыряли макароны в своих тарелках. Они чувствовали себя такими несчастными, что им не хотелось есть.

Вскоре олафовские друзья снова принялись ритмично колотить по столу, и дети пошли в столовую убирать со стола, а после подали шоколадный пудинг. Очевидно было, что Граф Олаф с актерами изрядно напился, и теперь они сидели, обмякнув и навалившись на стол, и гораздо меньше болтали. Под конец они с трудом поднялись и всей гурьбой прошествовали через кухню к выходу, даже не обернувшись. Граф Олаф оглядел кухню, уставленную грязной посудой.

– Поскольку вы еще не удосужились вымыть посуду, – сказал он, – сегодня вы освобождаетесь от присутствия на спектакле. Но зато после уборки – чтоб сразу по кроватям.

Клаус все это время стоял, опустив глаза, чтобы не выдать своего возбуждения, но тут не сдержался.

– Вы хотите сказать – сразу в кровать! – закричал он. – Вы нам дали одну кровать на троих!

Театральные гости при этой вспышке застыли на месте и только переводили взгляд с Клауса на Графа Олафа, выжидая, что за этим последует. Граф Олаф вздернул бровь, в глазах его появился особый блеск, но голос был спокоен.

– Хотите еще одну кровать – идите завтра в город и купите.

– Вы отлично знаете, что у нас нет денег, – возразил Клаус.

– Нет, есть. – Граф Олаф повысил голос. – Вы унаследовали огромное состояние.

Клаус вспомнил, что говорил мистер По:

– Но этими деньгами нельзя пользоваться, пока Вайолет не достигнет совершеннолетия.

Граф Олаф побагровел. Какую-то секунду он молчал. А затем одним молниеносным движением нагнулся и ударил Клауса по лицу. Клаус упал и увидел прямо перед собой глаз, вытатуированный на щиколотке у Олафа. Очки у Клауса соскочили с носа и отлетели в угол комнаты. Левая щека, по которой ударил Граф Олаф, горела. Актеры захохотали, а некоторые зааплодировали, как будто Граф Олаф совершил невесть какой доблестный, а не достойный презрения поступок.

– Пошли, друзья, – скомандовал Олаф, – а то опоздаем на собственный спектакль.

– Насколько я тебя знаю, Олаф, – проговорил человек с крюками, – уж ты что-нибудь придумаешь, чтоб добраться до бодлеровских денежек.

– Поглядим, – только и ответил Граф Олаф, но глаза его вновь загорелись таким особым блеском, что стало ясно – у него уже родилась какая-то идея.

С грохотом захлопнулась входная дверь за Олафом и его жуткими друзьями, и дети остались на кухне одни. Вайолет опустилась на колени и крепко обняла Клауса, чтобы подбодрить его. Солнышко сползала за очками и подала их ему. Клаус заплакал, правда не столько от боли, сколько от бессильной ярости при мысли об их ужасном положении. Вайолет и Солнышко тоже залились слезами и плакали все то время, что мыли посуду, тушили свечи в столовой, раздевались и укладывались спать – Клаус на кровати, Вайолет на полу, а Солнышко на подушке из занавески. Светила луна, и если бы кто-то заглянул снаружи в окно спальни, то увидел бы троих детей, тихонько плакавших всю ночь напролет.

Глава пятая

Если только вас всю жизнь не сопровождало какое-то особое везение, вам наверняка приходилось хоть раз испытывать что-то такое, что заставляло вас плакать. И если только не то же особое везение, вы знаете: если поплакать подольше и послаще, это поможет и вы почувствуете себя гораздо лучше, даже когда обстоятельства нисколько не изменились. Так было и с бодлеровскими сиротами. Проплавав всю ночь, наутро они почувствовали, будто какая-то тяжесть свалилась у них с плеч. Разумеется, дети понимали, что положение их остается ужасным, но им показалось, что они способны его поправить.

В утренней записке им приказывалось наколоть дров на заднем дворе. И пока Вайолет с Клаусом махали топорами, раскалывая поленья, они обсуждали возможный план действий. Солнышко тем временем задумчиво жевала щепку.

– Совершенно ясно, – Клаус потрогал безобразный синяк на щеке – след олафовского удара, – здесь мы оставаться не можем. Я бы лучше рискнул жить на улице, чем в этом чудовищном месте.

– Да, но кто знает – какие несчастья могут приключиться с нами на улице? – запротестовала Вайолет. – Здесь у нас хоть крыша над головой.

– Лучше бы родители разрешили нам пользоваться деньгами *сейчас*, а не когда ты вырастешь, – заметил Клаус. – Мы бы тогда купили замок и жили в нем, а снаружи его охраняла бы вооруженная стража, чтобы туда не проник Граф Олаф со своей трупой.

– Я бы устроила себе большую мастерскую для изобретений, – мечтательно подхватила Вайолет. Она с размаху опустила топор и расколола полено ровнехонько пополам. – Там были бы всякие механизмы, блоки, проволоки и сложная компьютерная система.

– А я завел бы большую библиотеку, – добавил Клаус. – Таковую же, как у судьи Штраус, только огромнее.

– Бу-у-гу-у! – крикнула Солнышко, что, видимо, означало: «А у меня было бы много вещей для кусания».

– Но пока что надо найти выход из нашего трудного положения, – заключила Вайолет.

– Может, судья Штраус усыновит нас? – мечтательно произнес Клаус. – Она ведь говорила, что всегда будет нам рада.

– Она имела в виду – приходить в гости или брать книги, – объяснила Вайолет, – а не *жить*.

– Но, может, ей все объяснить и она согласится усыновить нас? – предположил Клаус, но Вайолет видела, что он и сам на это не очень надеется. Чтобы усыновить чужих детей, требуется принять серьезное решение, под влиянием минуты это не делается. Уверен, что у вас возникало порой желание, чтобы вас растил кто-нибудь другой, а не те, кто вас растит. Но в глубине души сознаешь, что шансов на это очень мало.

– Я думаю, надо повидать мистера По, – решила Вайолет. – Он ведь сказал, когда оставлял нас здесь, что его можно найти в банке, если у нас будут вопросы.

– Но у нас к нему не вопросы, – возразил Клаус, – у нас жалоба.

Он вспомнил, как мистер По приближался к ним по берегу, чтобы сообщить свою ужасную новость. И хотя пожар произошел не по вине мистера По, Клаусу все равно не хотелось его видеть: он боялся услышать от него еще что-нибудь плохое.

– Больше нам, по-моему, не к кому обратиться, – сказала Вайолет. – На мистере По лежит забота о наших делах, и, если б он знал, как ужасно ведет себя Граф Олаф, уверена, он забрал бы нас отсюда.

Клаус представил себе, как приезжает мистер По, сажает их троих к себе в машину и отвозит куда-нибудь в другое место, – и у него в душе зашевелилась надежда. Где угодно будет лучше, только не здесь.

– Ладно, – согласился он, – вот расколем все поленья и отправимся в банк.

План этот вселил в них бодрость, и они с поразительной быстротой замахали топорами. Скоро они покончили с дровами и собрались идти в банк. Они помнили, как Граф Олаф сказал, что у него есть план города. Они поискали-поискали, но не нашли никакой карты и решили, что она, должно быть, в башне, куда им вход запрещен. Итак, без всяких указаний, дети пустились в путь в поисках квартала, где расположены банки, надеясь отыскать мистера По.

Пройдя мясной квартал, потом цветочный, затем антикварный, дети попали в банковский и задержались около фонтана Финансовой Победы. Банковский квартал представлял собой несколько широких улиц с большими мраморными зданиями по обеим сторонам – и все это были банки. Сперва дети зашли в Надежный банк, затем в Верные Сбережения и Ссуды, потом в Подсобные Финансовые Услуги и везде осведомлялись о мистере По. Наконец секретарша в Подсобных Услугах сообщила, что, по ее сведениям, мистер По служит в Управлении Денежных Штрафов, дальше по улице. Управление оказалось обыкновенным, ничем не примечательным зданием, но внутри него детей просто ошеломила сутолока и суета: множество людей носилось по большому залу, где глухо раздавалось эхо их шагов. Наконец они спросили у привратника в форме, туда ли они попали – им надо поговорить с мистером По, и привратник провел их в большой офис без окон, заставленный многочисленными картотеками.

– Как, это вы? Добрый день. – В голосе мистера По прозвучало удивление. Стол перед ним был завален скучными на вид, но явно важными бумагами. Тут же в окружении трех телефонов со сверкающими огоньками стояла в рамке небольшая фотография жены и двух его противных сыновей. – Заходите, пожалуйста.

– Спасибо. – Клаус пожал руку мистеру По, и дети уселись в большие удобные кресла.

Мистер По хотел что-то сказать, но тут же закашлялся в платок.

– Я очень занят сегодня, – наконец выговорил он. – Мне совершенно некогда. В другой раз вам придется сперва зайти и предупредить, когда вы намереваетесь быть в этом районе, тогда я постараюсь высвободить время и свожу вас позавтракать.

– Это было бы очень приятно, – сказала Вайолет. – Извините, что не предупредили заранее, но дело у нас очень срочное.

– Граф Олаф – сумасшедший, – выпалил Клаус без обиняков. – Мы не можем там оставаться.

– Он ударил Клауса по лицу. Видите синяк?

Но как раз в этот момент громко и противно зазвонил один из телефонов.

– Простите, – сказал мистер По и взял трубку.

– Что? Да. Да. Да. Да. Нет. Благодарю вас. – Он положил трубку и посмотрел на Бодлеров так, будто уже забыл про их присутствие.

– Простите, – повторил он, – так о чем мы говорили? Ах да, о Графе Олафе. Жаль, что у вас на первых порах сложилось о нем неблагоприятное впечатление.

– Он дал нам на всех одну кровать, – сказал Клаус.

– Он заставляет нас делать тяжелую работу.

– Он пьет слишком много вина.

– Прошу прощения, – прервал их мистер По, так как зазвонил другой телефон. – По слушает. Семь. Семь. Семь. Семь. Шесть с половиной. Семь. Не за что. – Он положил трубку и быстро записал что-то на одном из листов. Затем поднял голову. – Извините, что вы говорили про Графа Олафа? Поручает вам работу? Что же тут плохого?

– Он обращается к нам – «сироты».

– У него жуткие друзья.

– Он все время спрашивает про наши деньги.

– Пу-у-ух! – Это, естественно, произнесла Солнышко.

Мистер По поднял кверху ладони, показывая, что услышал достаточно.

– Дети, дети, – сказал он, – дайте себе время привыкнуть к новому дому. Ведь вы живете там всего несколько дней.

– Достаточно, чтобы понять, какой плохой человек Граф Олаф, – заявил Клаус.

Мистер По вздохнул и посмотрел на каждого из детей по очереди. Выражение лица у него было доброе, но он явно не очень-то верил их словам.

– Знакомо вам латинское выражение: «In loco parentis»¹? – спросил он.

Вайолет и Солнышко дружно повернулись к брату. Как главный книголюб, только он мог знать книжные иностранные слова.

– Что-то насчет поездов? – высказал предположение Клаус.

Может быть, мистер По хочет увезти их поездом к другому родственнику?

Но мистер По покачал головой.

– «In loco parentis» значит «выполняющий роль родителей», – объяснил он. – Это юридический термин, и он как раз применим к Графу Олафу. Теперь вы находитесь на его попечении, и он волен воспитывать вас любыми подходящими, с его точки зрения, методами. Жаль, что ваши родители не приучили вас к домашнему труду, что вы не видели их пьющими вино, что их друзья нравились вам больше друзей Графа Олафа, но ко всему этому придется привыкать, так как ваш опекун действует in loco parentis. Вы поняли?

– Но ведь он ударил моего брата! – не выдержала Вайолет. – Взгляните на его лицо!

Но как раз в эту минуту мистер По достал из кармана платок и начал в него кашлять, и кашлял так долго и так громко, что скорее всего не расслышал ее слов.

– Что бы ни делал Граф Олаф, – мистер По устремил взгляд на одну из лежавших перед ним бумаг и обвел кружочком какую-то цифру, – он действовал по родительскому праву, и я тут ничего не могу поделать. Ваши деньги надежно охраняются мною и банком, но воспитательная методика – его личное дело. А теперь мне неприятно удалять вас с излишней поспешностью, но у меня очень много работы.

Поскольку ошеломленные дети продолжали сидеть, мистер По поднял на них глаза и откашлялся:

– «Излишняя поспешность» означает...

– Что вы нам ничем не поможете, – докончила Вайолет. Она вся дрожала от гнева и разочарования. На столе опять зазвонил один из телефонов, поэтому она встала и вышла из комнаты, а за ней последовал Клаус, неся на руках Солнышко. Они прошествовали через холл и, выйдя из банка, остановились в нерешительности.

– Что же нам делать дальше? – грустно проговорил Клаус.

Вайолет подняла глаза к небу. Ей так хотелось изобрести что-нибудь такое, что помогло бы им оказаться далеко-далеко отсюда.

– Уже поздновато, – сказала она. – Пожалуй, лучше вернуться назад, а придумать что-нибудь еще завтра утром. Сейчас можно заглянуть по дороге к судье Штраус.

– Ты же говорила, что она нам не поможет, – возразил Клаус.

– Мы не за помощью пойдем, а за книгами.

Очень полезно с детства знать разницу между словами «буквально» и «фигурально». Если что-то происходит в буквальном смысле, оно происходит на самом деле, а «фигурально» означает, что вы *чувствуете* себя так, как *будто* это происходит на самом деле. Если сказать, что вы запрыгали от радости в буквальном смысле, значит вы действительно подпрыгиваете на месте, так вы радуетесь. А если говорится, что вы в фигуральном смысле прыгаете от радости, значит у вас такое чувство, что вы могли бы запрыгнуть, но экономите силы для чего-нибудь другого. Бодлеровские сироты побрели назад и, не заходя в дом Графа Олафа, позвонили в

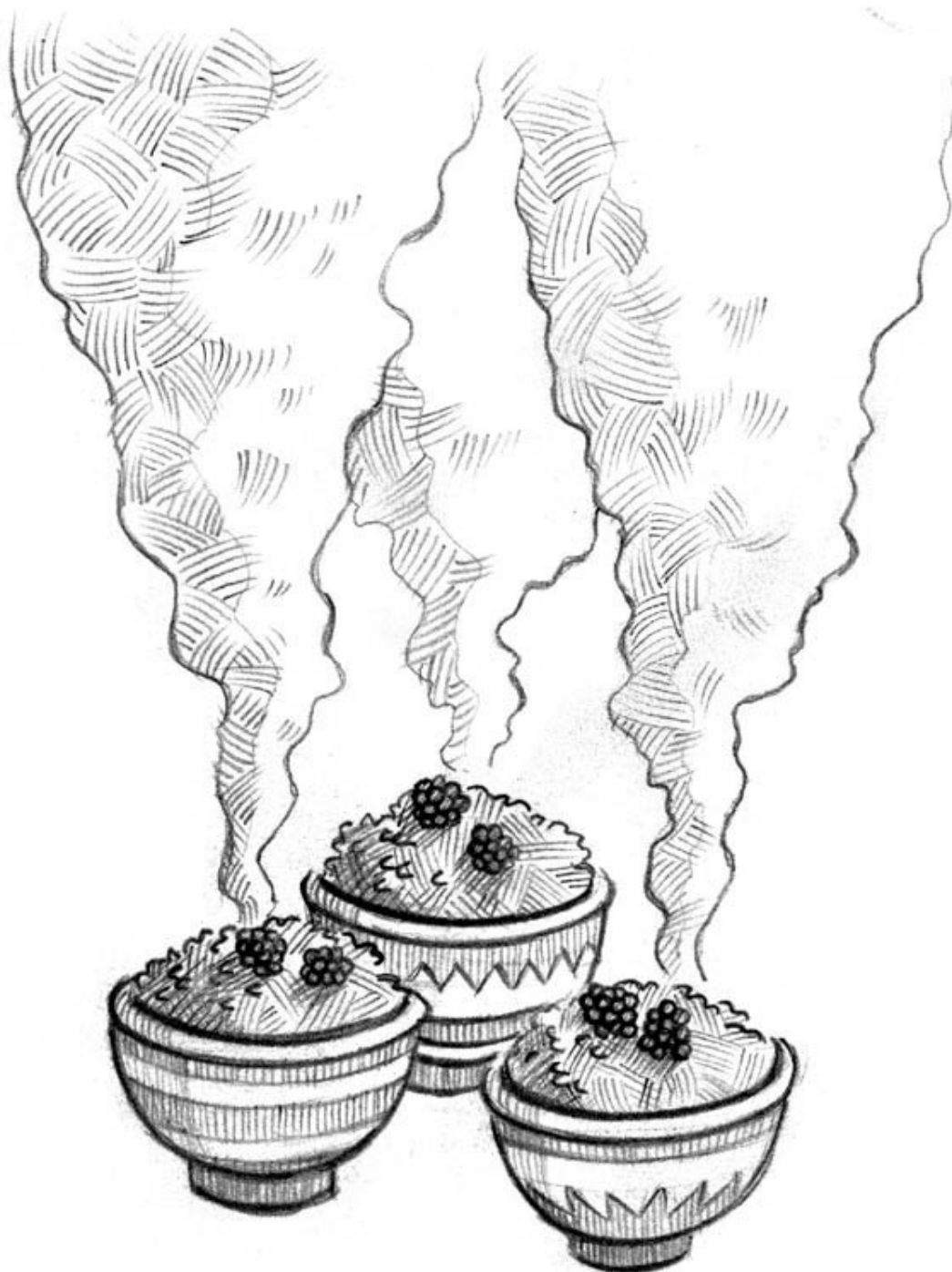
---

¹ Выражение означает букв. «на месте родителей» (loco – место). Но в английском «loco» еще и сокращение от «locomotive». Клаус ошибся.

дверь к судье Штраус, которая провела их в дом и позволила рыться в библиотеке. Вайолет взяла несколько книг про механические изобретения, Клаус взял несколько штук про волков, а Солнышко нашла книжку с большим количеством картинок с изображением зубов.

Дома они направились прямо к себе в комнату, забрались все вместе на единственную кровать и погрузились в чтение, забыв обо всем на свете. *Фигурально* они спаслись от Графа Олафа и своего горького существования. Они, конечно, не спаслись от этого в *буквальном* смысле, они по-прежнему находились в доме Графа Олафа, ничем не защищенные от его злобной воспитательной методики *in loco parentis*, что, как вы помните, означает «по родительскому праву». Но, предавшись своему любимому занятию, дети начисто забыли о своих бедах, как будто беды эти перестали существовать. Разумеется, они никуда не делись, но в конце утомительного безысходного дня им и этого хватило. Они читали каждый свою книжку, и у них крепла надежда, что скоро их фигуральное спасение превратится в буквальное.

Глава шестая

Наутро, когда дети, пошатываясь со сна, вошли в кухню, они вместо записки от Графа Олафа нашли там его самого.

– Доброе утро, сироты, – приветствовал он их. – Овсяная каша вас уже ждет.

Дети уселись за кухонный стол и с опаской уставились в миски. Если бы вы знали Графа Олафа и он бы вдруг подал вам заранее приготовленный завтрак, вы бы тоже боялись: а нет ли в каше чего-нибудь страшного – отравы, например, или толченого стекла. Но вместо того или

другого Вайолет, Клаус и Солнышко увидели, что на кашу сверху насыпана свежая малина. Со времени гибели родителей бодлеровские дети ни разу не ели малины, хотя как раз ужасно ее любили.

– Спасибо, – осторожно проговорил Клаус, достав одну ягоду и разглядывая ее. А что, если это ядовитые ягоды и только выглядят красиво? Граф Олаф заметил, с каким недоверием Клаус рассматривает малину, улыбнулся и выхватил одну ягоду из миски у Солнышка. Затем, переводя взгляд с одного на другого, забросил ее себе в рот и съел.

– Разве малина не восхитительна? Когда я был в вашем возрасте, это были мои любимые ягоды.

Вайолет попыталась представить себе Графа Олафа подростком, но не смогла. Эти блестящие глаза, костлявые руки, зловещая улыбка – все это бывает только у взрослых. Несмотря на страх перед ним, Вайолет все-таки взяла ложку в правую руку и принялась за еду. Ведь поел же Граф Олаф и кашу, и ягод, может, там и вправду нет отравы. Кроме того, она очень проголодалась. Клаус тоже начал есть, а Солнышко вообще успела размазать кашу с малиной по всему личику.

– Вчера мне звонили, – продолжал Граф Олаф. – Мистер По рассказал, что вы приходили к нему.

Дети переглянулись. Они рассчитывали, что посещение будет строго конфиденциальным, то есть «останется их с мистером По тайной и эта тайна не будет выболтана Графу Олафу».

– Мистер По сказал, что вам, оказывается, нелегко приспособиться к тем условиям жизни, которые я вам так любезно обеспечил. Мне огорчительно это слышать.

Дети посмотрели на Графа Олафа. Выражение его лица было серьезным, как будто он и в самом деле огорчен, но в глазах при этом бегали огоньки, какие бывают, когда говорят не всерьез.

– Да? – отозвалась Вайолет. – Зря мистер По вас побеспокоил.

– Я рад, что он позвонил, – возразил Граф Олаф, – я хочу, чтобы вы чувствовали себя здесь как дома, я же теперь ваш отец.

Дети слегка вздрогнули – они с грустью вспомнили своего доброго отца, глядя на сидевшую напротив никудышнюю замену.

– В последнее время, – продолжал Граф Олаф, – я очень нервничал из-за выступлений моей труппы и, боюсь, вел себя несколько отчужденно.

Слово «отчужденно», само по себе просто замечательное, совершенно не подходило для передачи манеры обращения Графа Олафа с детьми. Вести себя отчужденно означает «неохотно общаться с другими людьми». Скажем, стоит на вечеринке в углу и не желает ни с кем разговаривать. Но оно неприменимо к тому, кто выдал одну кровать на троих, заставляет выполнять трудную работу и отвешивает пощечину ребенку. Для таких людей найдется много определений, но слова «отчужденный» среди них нет. Клаус чуть не рассмеялся, услышав такое неуместное употребление этого слова. Но поскольку на лице у него все еще красовался синяк, он удержался от смеха.

– Поэтому, чтобы вы скорее привыкли на новом месте, я хочу взять вас в мой следующий спектакль.

– Какое же мы примем в нем участие? – поинтересовалась Вайолет. После всех трудных заданий Графа Олафа ей совсем не улыбалось делать что-то еще в том же роде.

– Значит, так, – глаза у Графа Олафа заблестели еще ярче, – пьеса называется «Удивительная свадьба», написал ее великий драматург Аль Функут. Мы дадим только одно представление – в эту пятницу вечером. Пьеса эта про одного очень храброго и очень умного человека, и его играю я. В финале он женится на молодой красивой женщине, которую любит. Толпа присутствующих ликует. Ты, Клаус, и ты, Солнышко, будете ликовать в толпе.

– Но мы будем гораздо ниже остальных, – сказал Клаус. – Не покажется ли это публике странным?

– Вы будете изображать двух карликов на свадьбе, – терпеливо разъяснил Олаф.

– А что буду делать я? – спросила Вайолет. – Я умею обращаться с инструментами и могла бы помочь вам устанавливать декорации.

– Декорации? Ни в коем случае! – воскликнул Граф Олаф. – Чтоб такая хорошенькая девочка работала за кулисами – это никуда не годится.

– А я бы с большим удовольствием, – настаивала Вайолет.

Бровь у Графа Олафа поползла вверх, и бодлеровские сироты сразу узнали этот признак гнева. Но бровь тут же опустилась, – видимо, он заставил себя сохранять спокойствие.

– Нет, у меня для тебя есть важная роль на сцене. Ты будешь играть молодую женщину, на которой я женюсь.

Вайолет почувствовала, как каша с малиной закрутилась у нее в животе. То, что Граф Олаф объявил себя их отцом и действовал по родительскому праву, было уже достаточно скверно, но представить себе Олафа своим мужем, пусть даже в спектакле, было еще того хуже.

– Это *очень* важная роль, – рот его искривился в каком-то подобии улыбки, но улыбка вышла неубедительной, – хотя по роли ты произносишь только одно слово «да», когда судья Штраус спрашивает тебя, согласна ли ты взять меня в мужья.

– Судья Штраус? – удивилась Вайолет. – При чем тут она?

– Она согласилась сыграть роль судьи. – Из-за спины у Графа Олафа за детьми пристально следил один из многочисленных глаз, нарисованных на стенках кухни. – Я попросил судью Штраус принять участие в спектакле, потому что хотел проявить не только лучшие отцовские, но и добрососедские чувства.

– Граф Олаф... – начала Вайолет и замолчала. Ей хотелось попытаться убедить опекуна не брать ее на роль невесты, но она боялась рассердить его. – *Отец*, я не уверена, что способна играть профессионально. Я бы не хотела опозорить ваше доброе имя и имя Аль Функута. А кроме того, в ближайшие недели я буду трудиться над своими изобретениями... и учиться готовить ростбиф, – быстро добавила она, вспомнив, как он бушевал по поводу обеда.

Граф Олаф протянул свою паучью лапу и взял Вайолет за подбородок.

– Нет, ты *будешь* участвовать в представлении, – сказал он, пристально глядя ей в глаза. – Я бы предпочел, чтобы ты сделала это добровольно, но, как вам, кажется, объяснил мистер По, я могу заставить тебя, и тебе придется послушаться.

Острые грязные ногти слегка царапнули ей подбородок, и Вайолет вздрогнула. В комнате стояла мертвая тишина, когда наконец Граф Олаф отпустил Вайолет, выпрямился и вышел, не сказав больше ни слова. Бодлеровские дети молча прислушивались к тяжелым шагам на лестнице, которая вела в башню и куда им не полагалось ходить.

– Ладно, – нерешительно произнес Клаус, – вроде ничего страшного не будет, если мы примем участие в спектакле. Видно, для него это очень важно, а мы ведь хотим расположить его к себе.

– Он что-то задумал, – возразила Вайолет.

– Ягоды не были отравлены, как ты думаешь? – обеспокоенно спросил Клаус.

– Нет, – ответила Вайолет. – Олаф охотится за нашим состоянием. Ему невыгодно нас убивать.

– А чем выгодно, чтобы мы играли в его дурацкой пьесе?

– Не знаю. – Вайолет встала и с несчастным видом принялась мыть миски из-под овсянки.

– Хорошо бы узнать побольше про закон наследования, – заметил Клаус. – Ручаюсь, что у Графа Олафа уже готов план, как отнять у нас деньги, только непонятно, в чем он состоит.

– Можно было бы спросить у мистера По, – неуверенно проговорила Вайолет. Клаус, стоя рядом, вытирал миски. – Он знает всякие латинские юридические выражения.

– Ну да, а потом он опять позвонит Графу Олафу, и тот поймет, что мы что-то затеяли против него, – запротестовал Клаус. – Может, поговорить с судьей Штраус? Она должна все знать про законы.

– Но она олафовская соседка, – возразила Вайолет, – и может упомянуть в разговоре с ним, что мы ее спрашивали.

Клаус снял очки с носа, что обычно делал, когда усиленно думал.

– Тогда как же нам узнать про законы без вельды Олафа?!

– Каги! – неожиданно выкрикнула Солнышко. Вполне вероятно, она имела в виду что-то вроде «Вытрите же мне наконец лицо!», но Вайолет и Клаус воззрились друг на друга. Книжки! Оба подумали об одном и том же: наверняка у судьи Штраус имеется книжка про закон наследования.

– Граф Олаф не оставил на сегодня никаких заданий, – сказала Вайолет, – и мы спокойно можем пойти в библиотеку к судье Штраус.

Клаус улыбнулся:

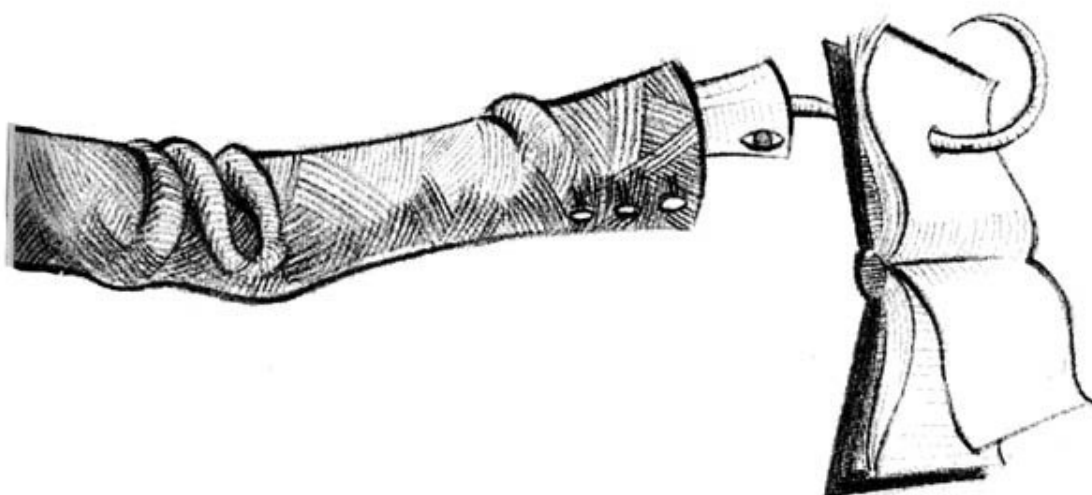
– Верно. И знаешь, сегодня я, пожалуй, не стану брать книжки про волков.

– А я про машиностроение, – добавила Вайолет. – Я лучше почитаю про наследование.

– Ну так пошли, – поторопил Клаус. – Судья Штраус звала нас в ближайшее время, так что не будем проявлять *отчужденность*.

Вспомнив, как не к месту Граф Олаф недавно употребил это слово, бодлеровские дети покатались со смеху, даже Солнышко, хотя ее словарный запас был пока весьма ограничен. Они быстренько убрали чистую посуду в кухонные шкафчики, которые следили за ними своими нарисованными глазами. А затем побежали в соседний дом. До пятницы, дня спектакля, оставалось уже не много дней, и дети хотели как можно скорее докопаться, в чем состоит план Графа Олафа.

Глава седьмая

На свете есть множество книг самого разного типа, и это правильно, поскольку на свете есть множество людей разного типа и все хотят читать что-то на свой вкус. И скажем, люди, которые терпеть не могут истории про то, как с маленькими детьми приключаются всякие страшные вещи, должны немедленно отложить в сторону эту книгу. Но есть один тип книг, которые никто не любит читать, – это юридические книги. Эти книги отличаются тем, что они очень длинные, очень скучные и их очень трудно читать. В этом кроется одна из причин, по которой многие юристы зарабатывают кучу денег. Деньги тут являются стимулом, что в данном случае означает «денежное вознаграждение, призванное убедить вас делать то, чего делать не хочется», а именно читать длинные, скучные, трудные книги.

У бодлеровских детей стимул носил несколько иной характер: они хотели не заработать кучу денег, а помешать Графу Олафу сотворить с ними что-то ужасное для того, чтобы заграбастать кучу денег. Но даже и при таком стимуле просмотреть все юридические книги судьи Штраус оказалось делом весьма, весьма и весьма нелегким.

– Боже милостивый, – вырвалось у судьи Штраус, когда позже она вошла в библиотеку и увидела, *что* они читают. Ведь впустив их, она сразу же ушла на задний двор и занялась цветами, оставив детей одних в своей великолепной библиотеке. – А я-то думала, вас интересует машиностроение, животные Северной Америки и зубы. Вы уверены, что вам хочется читать эти толстые книги? Даже я не люблю их читать, а ведь я занимаюсь судебными делами.

– Да, – солгала Вайолет, – я нахожу их очень интересными.

– Я тоже, – поддержал ее Клаус. – Мы с Вайолет подумываем о юридической карьере, нам эти книги кажутся захватывающими.

– Ну хорошо, – сказала судья Штраус, – но Солнышку-то вряд ли они так интересны. Может, она не против помочь мне в саду.

– Уипи! – крикнула Солнышко, что означало «Да, я предпочитаю возиться в саду, а не сидеть и смотреть, как мои старшие маются над скучными книжками!».

– Хорошо, только, пожалуйста, последите, чтобы она не наелась земли. – Клаус передал Солнышко судье.

– Конечно послежу, – пообещала судья Штраус. – Совершенно ни к чему, чтобы она заболела перед спектаклем.

Вайолет с Клаусом переглянулись.

– Вас так волнует предстоящий спектакль? – робко спросила Вайолет.

Лицо судьи Штраус просияло.

– О да. Мне всегда хотелось играть на сцене, еще с той поры, как я была совсем девочкой. И вот сейчас, благодаря Графу Олафу, я получила возможность исполнить свою мечту. А вас разве не волнует, что вы станете частичкой театра?

– Да, наверное, – ответила Вайолет.

– Ну разумеется. – И судья Штраус с сияющими глазами и с Солнышком на руках покинула библиотеку, а Клаус и Вайолет со вздохом поглядели друг на друга.

– Она помешана на театре, – проговорил Клаус, – она ни за что не поверит, будто Граф Олаф замышляет что-то дурное.

– Она в любом случае нам не поможет, – мрачно заметила Вайолет. – Она ведь судья, начнет вроде мистера По твердить про родительское право.

– Значит, обязательно надо найти юридическую причину, чтобы представление не состоялось, – решительно заявил Клаус. – Нашла ты что-нибудь в своей книге?

– Ничего полезного. – Вайолет взглянула на клочок бумаги, на котором делала заметки. – Пятьдесят лет назад одна женщина оставила огромную сумму денег своей ручной кунице, а трем сыновьям – ничего. Сыновья, чтобы деньги достались им, пытались доказать, что мать была не в своем уме.

– И чем кончилось дело? – поинтересовался Клаус.

– Кажется, куница сдохла, но я не вполне уверена. Надо посмотреть в словаре значение некоторых слов.

– Вряд ли это имеет отношение к нам, – заметил Клаус.

– А может, Граф Олаф хочет доказать, что это мы не в своем уме, и таким образом получить деньги? – высказала предположение Вайолет.

– Но зачем для доказательства этого надо заставлять нас играть в «Удивительной свадьбе»?

– Не знаю, – призналась Вайолет. – Я зашла в тупик. А ты что нашел?

– Примерно во времена твоей женщины с куницей, – Клаус перелистывал толстенную книгу, – группа актеров играла в постановке шекспировского «Макбета», и все актеры были без костюмов.

Вайолет покраснела:

– Ты хочешь сказать – они были голые? На сцене?

– Совсем недолго. – Клаус улыбнулся. – Явилась полиция и прекратила представление.

Но это тоже нам мало может помочь. Просто интересно почитать.

Вайолет вздохнула:

– А может, Граф Олаф ничего такого не замышляет? Играть в его пьесе мне неохота, но, возможно, мы с тобой зря волнуемся? А вдруг Граф Олаф в самом деле пытается приучить нас к дому?

– Как ты можешь так говорить? – возмутился Клаус. – Ведь он ударил меня по лицу!

– Но каким образом он захватит наше состояние, если просто возьмет нас играть в спектакле? – сказала Вайолет. – У меня глаза уже устали читать книги, все равно толку никакого. Я иду помогать судье Штраус в саду.

Клаус смотрел вслед сестре, и им овладевало чувство безнадежности. До спектакля остались считанные дни, а он до сих пор не разгадал замыслов Графа Олафа и тем более не придумал, как ему помешать.

До сих пор Клаус был убежден, что если будешь читать много книг, то сумеешь разрешить любую проблему. Сейчас он не так был в этом уверен.

– Эй, вы! – раздался голос у двери и разом вывел Клауса из задумчивости. – Меня послал за вами Граф Олаф. Вы должны немедленно вернуться домой.

Клаус повернул голову и увидел в дверях одного из членов олафовской труппы – того, что с крюками.

– Что ты тут в этой затхлой конуре делаешь? – произнес он скрипучим голосом и подошел к сидевшему на стуле Клаусу. Прищурился своими маленькими глазками, он прочел заглавие одной из книг: «Закон наследования и его истолкование». – Зачем ты ее читаешь? – спросил он резко.

– А вы как думаете – зачем? – огрызнулся Клаус.

– Сейчас я тебе скажу, что думаю. – Крюкастый положил один из крюков Клаусу на плечо. – Я думаю, тебя больше нельзя пускать сюда в библиотеку, во всяком случае до пятницы. Нам ни к чему, чтоб такой малявка, как ты, набрался ненужных идей. Говори, где твоя сестра и эта маленькая паршивка?

– В саду. – Клаус стряхнул с плеча крюк. – Идите за ними сами.

Актер нагнулся так близко, что черты его лица расплылись у Клауса перед глазами.

– Слушай меня внимательно, малявка. – Каждое слово вырывалось у него вместе с вонючим дыханием. – Единственно, почему Граф Олаф не разорвал вас на куски, так это потому, что еще не заполучил ваши денежки. Он оставляет вас в живых, пока не приведет в исполнение свой план. Но задай себе вопрос, книжный червяк: какой ему смысл сохранять вам жизнь *после* того, как он отберет у вас деньги? Что произойдет с вами тогда, как ты думаешь?

Ледяные мурашки побежали у Клауса по всему телу. Никогда в жизни он еще не испытывал такого страха. Руки и ноги у него затряслись, как в припадке. Губы не повиновались, и он издавал какие-то непонятные звуки вроде тех, что издавала Солнышко.

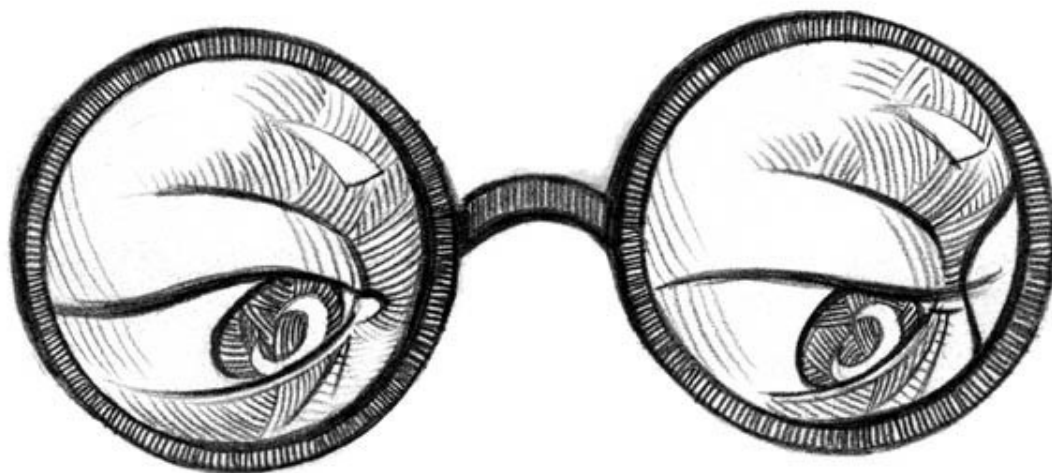
– А-а-а, – выдавил он из себя, – а-а-а...

– Когда наступит час, – произнес крюкастый ровным голосом, не обращая внимания на попытки Клауса, – Граф Олаф скорее всего отдаст тебя мне. Так что на твоём месте я бы вел себя повежливее. – Он распрямился и поднес свои крюки к самому лицу Клауса, свет от лампы падал теперь прямо на зловещие приспособления. – А сейчас извини, я пошел за двумя другими сиротками.

Он вышел, и Клаус почувствовал, как обмякло все его тело. Ему захотелось посидеть и отдышаться. Но разум не позволил ему медлить. Оставались последние минуты, чтобы побыть в библиотеке, и, возможно, последний шанс, чтобы сорвать планы Графа Олафа. Но что делать? Прислушиваясь к тихим звукам разговора крюкастого с судьей Штраус, доносившимся из сада, Клаус отчаянно шарил взглядом по полкам, ища что-нибудь полезное. Наконец, когда к двери уже приближались шаги, Клаус высмотрел одну книгу и быстро схватил ее. Едва он успел сунуть ее себе за пазуху и заправить спереди рубашку, как крюкастый вошел в библиотеку, конвоируя Вайолет и неся Солнышко, которая безуспешно пыталась кусать его крюки.

– Иду, иду, – торопливо сказал Клаус и поскорее вышел из дома, чтобы актер не успел разглядеть его как следует. Он быстро пошел впереди, надеясь, что никто не заметит у него спереди бугра под рубашкой. А вдруг книга, которую он несет тайком, спасет им жизнь?

Глава восьмая

Клаус читал всю ночь напролет. Вообще-то он любил это делать. Раньше, когда родители были живы, Клаус обычно брал с собой в постель фонарик и, закрывшись с головой, читал, пока глаза у него не слипались. Бывало, что отец, придя утром будить Клауса, заставлял его крепко спящим, с фонариком в одной руке и с книгой в другой. Но этой ночью обстоятельства, разумеется, были совсем другими.

Клаус стоял у окна и при свете луны, прищурившись, читал похищенную книгу. Порой он бросал взгляд на сестер. Вайолет спала прерывистым сном, иначе говоря беспокойно металась на бугристой постели, а Солнышко забралась поглубже в свое гнездо из занавески, так что все вместе выглядело как кучка тряпья. Клаус ничего не сказал сестрам про книгу. Он не хотел подавать им ложную надежду, поскольку не был уверен, что книга поможет им выпутаться.

Книга была длинная, читалась с трудом, и Клаус все больше уставал по мере того, как ночь шла. Иногда глаза у него сами собой закрывались. Порой он ловил себя на том, что читает и перечитывает одну и ту же фразу. Читает и перечитывает. Читает и перечитывает. Но вдруг он вспоминал, как сверкали крюки у олафовского сообщника, ему представлялось, как они рвут его тело, тогда он мгновенно просыпался и читал дальше. Он нашел небольшой обрывок бумаги, разорвал его на полоски и стал закладывать важные места.

К тому времени как за окном чернота сделалась менее густой, предвещая скорый рассвет, Клаус знал уже все, что нужно было знать. С восходом солнца надежды его окрепли. Наконец, когда послышались первые птичьи голоса, Клаус на цыпочках прокрался к двери и тихонько приоткрыл ее, стараясь не будить беспокойно спящую Вайолет и Солнышко, скрывающуюся в ворохе тряпок. Он прошел на кухню, сел и стал ждать Графа Олафа.

Долго ему ждать не пришлось – вскоре послышалось громохание башмаков вниз по башенной лестнице. Граф Олаф вошел в кухню и, увидев Клауса, сидящего за столом, оскалится, что в данном случае означало «улыбнулся фальшивой недружелюбной улыбкой».

– Привет, сирота, – сказал он. – Рано ты встал.

Сердце у Клауса забило сильнее, но выглядел он хладнокровным, как будто снаружи его одевала невидимая броня.

– Я не спал всю ночь, – сказал он. – Я читал вот эту книгу. – Он выложил ее на стол. – Она называется «Матримониальное право». Из нее я узнал много интересного.

Граф Олаф достал уже бутылку вина, собираясь налить себе стаканчик перед завтраком, но, увидев книгу, отставил бутылку и сел.

– Слово «матримониальный», – продолжал Клаус, – означает «брачный».

– Без тебя знаю, что это слово значит, – прорычал Граф Олаф. – Где ты ее взял?

– Нашел в библиотеке у судьи Штраус. Но это не важно. А важно, что я разгадал ваши планы.

– Вот как? – Бровь у Графа Олафа поползла вверх. – И в чем же они состоят, недоросток ты этакий?

Клаус игнорировал оскорбление и раскрыл книгу на одной из страниц с закладкой.

– «Брачные законы здесь очень просты, – прочел он вслух. – Необходимые условия следующие: присутствие судьи, утверждение „да“ со стороны невесты и жениха и подпись невесты на договоре той рукой, которой она обычно подписывает документы». – Клаус положил книгу на стол и выставил вперед палец. – Если моя сестра скажет «да» и подпишет бумагу в присутствии судьи Штраус, она окажется в законном браке с вами. Вашу пьесу надо назвать не «Удивительная свадьба», а «Опасная свадьба». Вы не в фигуральном смысле хотите жениться на Вайолет, а в буквальном! Свадьба эта не понарошку, а самая настоящая, накладывающая законные обязательства.

Граф Олаф расхохотался грубым хриплым смехом:

– Да ведь твоя сестра еще не достигла возраста, когда выходят замуж!

– Она может выйти замуж, если получит разрешение от своего законного опекуна, действующего по родительскому праву, – возразил Клаус. – Это я тоже прочитал. Вам меня не обмануть.

– А на что мне сдалось жениться законным образом на твоей сестре? Она, безусловно, очень мила, но такому мужчине, как я, ничего не стоит заполнить сколько угодно красивых женщин.

Клаус открыл страницу, заложенную в другом месте.

– «Законный муж, – прочитал он вслух, – получает право контролировать все деньги, принадлежащие его жене». – Клаус торжествующе посмотрел на Графа Олафа: – Вы хотите жениться на моей сестре, чтобы иметь право распоряжаться бодлеровским состоянием! Во всяком случае таков был ваш план. Но когда я передам эти сведения мистеру По, спектакль не будет показан, а вас посадят в тюрьму!

Глаза Графа Олафа загорелись особым блеском, но он продолжал улыбаться. И это было удивительно. Клаус полагал, что, когда он выложит Графу Олафу свои догадки, тот придет в ярость и начнет бушевать. Ведь из-за какого-то соуса он впал в настоящее бешенство. И сейчас, когда разоблачены его замыслы, он должен был прийти в еще большее бешенство. Однако он преспокойно сидел напротив Клауса, как будто они беседовали о погоде.

– Да, выходит, ты меня вывел на чистую воду, – только и сказал Граф Олаф. – Наверное, ты прав: я отправляюсь в тюрьму, а вы все становитесь свободными. Ну, чего ж ты не бежишь к себе в комнату, не будишь сестер? Они, я думаю, с удовольствием послушают про то, как ты одержал надо мной победу и разоблачил мои козни.

Клаус взглянул на Графа Олафа – тот продолжал ухмыляться, как будто только что отмолил удачную шутку. Отчего он не угрожал Клаусу от злости? Не рвал на себе волосы от разочарования? Не бежал за вещами, чтобы поскорее скрыться? Все шло совсем не так, как рисовал себе Клаус.

– Хорошо, я пойду и расскажу все моим сестрам, – сказал он и пошел в спальню. Вайолет еще дремала, а Солнышко по-прежнему скрывалась под складками занавески. Сперва Клаус разбудил Вайолет.

– Я всю ночь не ложился и читал, – выпалил он на одном дыхании, едва сестра открыла глаза. – Я выяснил, что задумал Граф Олаф. Ты и судья Штраус и все присутствующие будут

думать, что так надо по пьесе, а он женится на тебе по-настоящему. А раз он станет твоим мужем, он будет иметь право распоряжаться деньгами наших родителей, и тогда он от нас избавится.

– Как он сможет жениться на мне по-настоящему? – прервала его Вайолет. – Ведь это просто пьеса.

– Единственное условие для заключения брака в нашем городе, – объяснил Клаус, показывая сестре «Матримониальное право» на нужной странице, – это чтобы ты сказала «да» и подписала документ в присутствии судьи – в данном случае судьи Штраус!

– Но я еще не могу выходить замуж, мне только четырнадцать!

– Девочки до восемнадцати, – Клаус перелистнул несколько страниц, – могут выходить замуж с разрешения своего законного опекуна. А это – Граф Олаф.

– Нет, я не хочу, – закричала Вайолет. – Как же нам быть?

– Мы можем показать эту книгу мистеру По, и он наконец поверит нам, что Граф Олаф замышляет недоброе. Скорее одевайся, а я разбуду Солнышко, и мы поспеем к открытию банка.

Вайолет, которая по утрам обычно с трудом вставала и двигалась, кивнула, быстро вскочила и бросилась к картонному ящику за подходящей одеждой. А Клаус подошел к комку тряпок, чтобы разбудить младшую сестру.

– Солнышко, – позвал он ласково и положил руку туда, где должна была находиться голова.

Никто не отозвался. Клаус еще раз крикнул: «Солнышко» – и сдернул верхние складки шторы. «Сол...» – начал он и замер: под верхним слоем материи не было ничего, кроме той же занавески. Он раскопал все до дна, но сестры не нашел. «Солнышко!» – завопил он, оглядывая комнату. Вайолет выронила из рук платье и тоже принялась искать. Они смотрели во всех углах, под кроватью и даже в картонном ящике – Солнышко исчезла!

– Куда она подевалась? – встревоженно произнесла Вайолет. – На нее это не похоже.

– Вот именно, куда же она подевалась? – раздался позади них голос.

Дети быстро обернулись. В дверях стоял Граф Олаф, наблюдавший за их поисками. Глаза у него блестели больше обычного, и он по-прежнему ухмылялся, как будто только что удачно пошутил.

Глава девятая

– Да, – продолжал Граф Олаф, – в самом деле, странно – вдруг исчезает ребенок. Да еще такой маленький, беспомощный.

– Где Солнышко?! – закричала Вайолет. – Что вы с ней сделали?

Граф Олаф будто не слышал и продолжал как ни в чем не бывало:

– Но опять-таки чего только не увидишь странного. Вот, например, если вы оба выйдете со мной во двор, мы все увидим кое-что не вполне обычное.

Дети, не говоря ни слова, последовали за Графом Олафом и, пройдя через весь дом, вышли в заднюю дверь. Вайолет оглядела небольшой жалкий дворик, где не бывала с тех пор, как они с Клаусом кололи дрова. Кучка наколотых ими поленьев так и лежала нетронутая, как будто Граф Олаф заставил их работать просто так, по его прихоти, а не по необходимости. Вайолет поежилась – она все еще была в ночной рубашке. Сколько она ни озиралась, она не заметила ничего необычного.

– Не туда смотрите, – фыркнул Граф Олаф. – Для детей, которые столько читают, вы на редкость несообразительны.

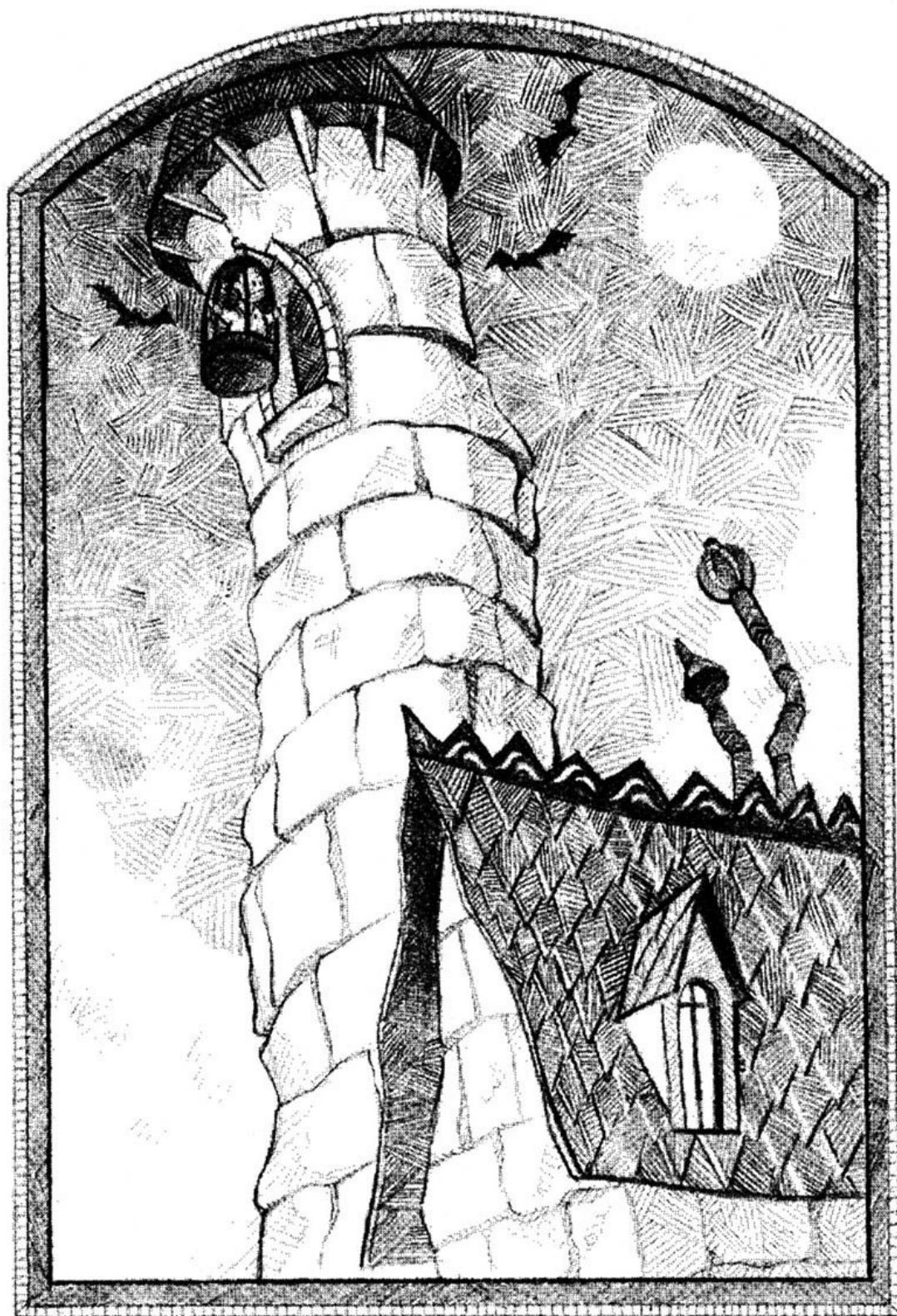
Вайолет повернула голову в сторону Графа Олафа, но, поскольку ей не хотелось встречаться с ним глазами, она поглядела вниз, и взгляд ее упал на его глаз, то есть глаз на щиколотке, который с самого первого дня их здешней несчастной жизни следил за бодлеровскими сиротами. Тогда она перевела взгляд вверх, вдоль тощей, неряшливо одетой фигуры, и, увидев, что Олаф указывает своей костлявой рукой куда-то вверх, задрала голову и там, в одном-единственном окошке запретной башни, сложенной из грязного камня, увидела что-то вроде птичьей клетки.

– Ох, нет, – произнес Клаус упавшим голосом. Вайолет взгляделась внимательнее. Да, это была птичья клетка, она болталась за окном башни, как флаг на ветру, а внутри клетки Вайолет разглядела маленькую испуганную Солнышко. Рот у нее был заклеен пластырем, тельце обвивала веревка. Она попала в настоящий капкан.

– Отпустите ее! – закричала Вайолет. – Она вам ничего не сделала. Она же совсем маленькая!

– Допустим. – Граф Олаф уселся на колоду. – Если ты так хочешь, я отпущу ее. Но даже такая тупица, как ты, должна, я думаю, понимать, что, если я отвязу клетку и отпущу ее, вернее, велю моему помощнику отвязать ее, – бедняжка может не перенести падения с такой высоты. Все-таки до земли тридцать футов, а это чересчур для такого маленького существа, даже если оно внутри клетки. Но раз вы настаиваете...

– Нет! – закричал Клаус. – Не надо!

Вайолет посмотрела в глаза Графу Олафу, потом на жалкий, туго перетянутый пакетик, который был ее сестрой и медленно раскачивался наверху, колеблемый легким ветром. Она представила себе, как Солнышко падает с башни и ударяется о землю, представила ее последние минуты, полные сплошного ужаса, и, чувствуя, как глаза ее наполняются слезами, сказала:

– *Пожалуйста*. Она совсем крошка. Мы на все, на все согласны, только не причиняйте ей вреда.

– На все? – переспросил Граф Олаф, подняв бровь. Он нагнулся вперед, сверля Вайолет взглядом. – На все? Например, ты согласишься выйти за меня замуж на завтрашнем спектакле?

Вайолет посмотрела на него в упор, и внутри у нее екнуло. У нее возникло ощущение, будто это она летит сейчас с большой высоты. Самое пугающее в Графе Олафе было то, подумалось ей, что он все-таки очень хитер. Что он не просто отвратительный пьяница, а хитрый, отвратительный пьяница.

– Пока ты там читал книжку да предъявлял мне обвинения, – сказал Граф Олаф, – я велел моему самому ловкому и самому пронырливому из помощников проскользнуть в вашу спальню и выкрасть Солнышко. *Пока* она в полной безопасности. Теперь она моя палка для упрямого осла.

– Почему это она палка? – запротестовал Клаус.

– Упрямый осел, – разъяснил Граф Олаф, – не желает идти туда, куда его посылает хозяин. Вот так, дети, и вы – упрямо стараетесь сорвать мои планы. Любой владелец домашней скотины скажет, что осла можно заставить двигаться в нужном направлении, только если держать морковку перед ним и палку позади. Он пойдет вперед, потому что хочет в награду получить морковку и в то же время уйти от палки, он не хочет, чтобы его больно наказали. Вы тоже будете делать то, что я велю, чтобы в наказание не потерять сестру и в то же время получить награду – не испытать такого потрясения. Итак, Вайолет, спрашиваю еще раз: выйдешь ты за меня замуж?

Вайолет судорожно вздохнула и опустила глаза вниз, на татуировку. У нее не хватало духу ответить ему.

– Ну же, – сказал Граф Олаф с фальшивой, иначе говоря притворной, ласковостью. Он погладил Вайолет по голове. – Неужели так ужасно быть моей женой? Жить всю жизнь в моем доме? Ты так мила, после свадьбы я не стану с тобой разделяться, как с твоими братом и сестрой.

Вайолет представила себе, как спит рядом с Графом Олафом и, просыпаясь, каждое утро видит перед собой этого страшного человека. Она представила, как целый день бродит по дому, избегая его, как готовит обеды для его гадких вечерних гостей, может быть даже ежевечерних, – и так всю жизнь. Но она посмотрела вверх на свою беспомощную сестру и поняла, каков будет ее ответ.

– Если вы отпустите Солнышко, я выйду за вас замуж.

– Я отпущу, – ответил Граф Олаф, – *но после* завтрашнего спектакля. А пока она, для верности, останется в башне. И предупреждаю: мои помощники будут караулить дверь, за которой лестница ведет в башню, а то вы, чего доброго, еще что-нибудь придумаете.

– Вы чудовище! – выпалил Клаус.

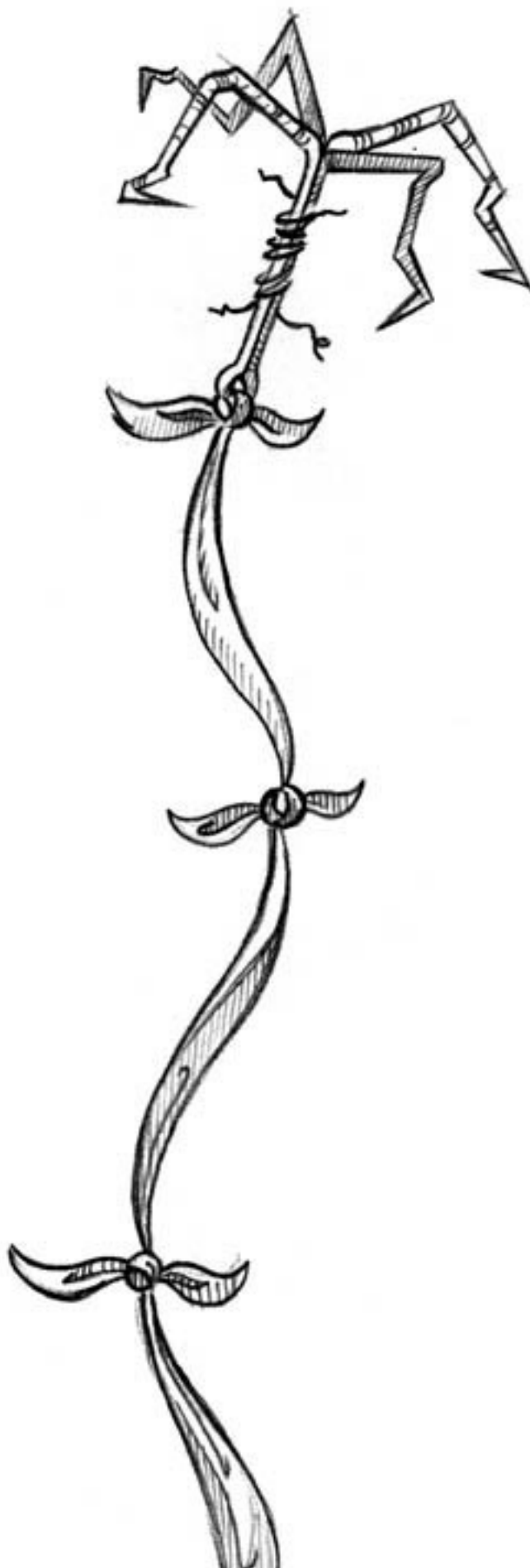
Граф Олаф улыбнулся:

– Может, и чудовище, но зато я сумел изобрести способ обезопасить себя и прибрать к рукам ваше наследство, а у вас ничего не вышло. – И он двинулся к дому. – Помните, сироты, – добавил он, – хоть вы и прочитали больше книг, чем я, вам это не помогло одержать надо мной верх. А ну-ка отдай мне книжку, из которой ты почерпнул свои грандиозные познания. А теперь иди делай свои задания.

Клаус вздохнул, с большой неохотой отдал книгу Графу Олафу и пошел было вслед за ним, но Вайолет застыла на месте, как статуя. Последних олафовских высказываний она не слушала, зная, что они будут полны обычных самовосхвалений и презренных оскорблений. Она уставилась на башню, но не на самый верх, где покачивалась клетка с Солнышком, а вообще на башню. Оглянувшись, Клаус заметил кое-что, чего довольно давно не видал. Те, кто познакомился с Вайолет недавно, не заметили бы ничего особенного, но те, кто знал ее хорошо, дога-

дались бы – раз она подвязала волосы лентой, чтобы волосы не лезли в глаза, значит рычажки и колесики в ее изобретательском мозгу жужжат и стрекочут всюю.

Глава десятая

На этот раз Клаус был тем бодлеровским ребенком, который метался беспокойным сном на кровати, а Вайолет бодрствовала при свете луны. Весь день сироты выполняли олафовские задания и почти не общались между собой. Клаус слишком устал и пал духом, чтобы разговаривать, а Вайолет слишком глубоко ушла в свой изобретательский мир и была занята исключительно разработкой своего плана.

Когда наступила ночь, Вайолет взяла в охап-ку штору, служившую постелью Солнышку, и отнесла к двери, которая вела к башенной лестнице, где на страже стоял толстый приспешник Графа Олафа, громадина – не то мужчина, не то женщина. Вайолет спросила, нельзя ли ей отнести одеяло сестре, чтобы той было поуютнее ночью, но громадное существо только тупо посмотрело на нее белесыми глазами, отрицательно покачало головой и жестом велело ей уйти.

Вайолет, конечно, понимала, что перепуганную Солнышко не утешить скомканной занавеской, но надеялась хоть на минутку прижать к себе девочку и сказать, что все будет хорошо. Кроме того, ей хотелось, как говорится в преступном мире, «прощупать обстановку». Это выражение означает – произвести осмотр определенного места перед тем, как поточнее составить некий план. Например, если вы занимаетесь ограблением банков (хотя надеюсь, что это не так), вы, вероятно, за несколько дней до задуманного ограбления сходите туда и – возможно, даже в переодетом виде – осмотритесь как следует и изучите – где и сколько там охранников, телекамер и прочих помех, чтобы сообразить, как во время ограбления избежать поимки или смерти.

Вайолет, как законопослушная гражданка, вовсе не собиралась грабить банк, а хотела спасти Солнышко и рассчитывала хоть мельком взглянуть на комнату в башне, где держали в плену сестру, – чтобы легче было разработать план спасения. Но когда оказалось, что прощупать обстановку не удастся, Вайолет в расстройстве села на пол у окна и как можно бесшумнее стала сооружать некое механическое приспособление.

Материалов у нее под рукой было для этого очень мало, а ходить ночью по дому в поисках чего-то подходящего с риском возбудить подозрения Графа Олафа и его шайки она не решалась. Но все-таки кое-какие детали для создания спасательного устройства у нее нашлись. Над окном оставался крепкий металлический прут, на котором раньше висела штора. Вайолет ухитрилась снять его. С помощью одного из булыжников, положенных в комнате Графом Олафом, она разломила прут надвое. Каждый кусок она несколько раз согнула под острым углом (и при этом слегка порезала себе ладони). Потом она сняла со стенки одно изображение глаза, висевшее, как водится, на проволочной петельке. Отцепила проволочку и соединила с ее помощью два куска прута. Получилось нечто вроде большого металлического паука.

Из картонного ящика она достала самое безобразное из платьев, купленных миссис По, – носить эту одежду бодлеровские сироты, даже доведенные до отчаяния, все равно не могли. Быстро и аккуратно она стала рвать платье на длинные узкие полосы и связывать их. Среди прочих практических талантов Вайолет обладала знанием многочисленных типов узлов. Тот узел, который она использовала сейчас, назывался «язык дьявола». Его изобрела шайка финских пиратов в пятнадцатом веке и назвала «языком дьявола» потому, что петли извивались туда-сюда самым затейливым и жутким образом. Вайолет связала полосы именно этим прочным узлом, так что получилось что-то вроде веревки. За работой она вспоминала, что говорили ей родители, когда родился Клаус, и потом, когда Солнышко принесли из родильного дома. «Ты старшая из бодлеровских детей, – сказали они ласково, но твердо. – И как на старшей на тебе лежит ответственность за младших. Обещай, что ты будешь всегда начеку и не дашь их в обиду». Вайолет помнила о своем обещании, и сейчас, подумав о синяке, до сих пор украшавшем лицо Клауса, и о Солнышке, болтавшей в клетке на башне как флаг, она заработала еще быстрее. Хотя в их последних неприятностях виноват был Граф Олаф, ей казалось, что она нарушила слово, данное родителям, и теперь поклялась себе все исправить.

В конце концов, использовав немало безобразной одежды, Вайолет сплела веревку длинной, как она надеялась, не меньше тридцати футов. Один конец она привязала к металлическому пауку, после чего осмотрела плод своих трудов. Получился крюк, так называемая кошка, какие употребляются для лазанья по отвесным стенам зданий, чаще всего с преступными намерениями. Забросив кошку на башню и зацепив ее за что-нибудь наверху, Вайолет намеревалась залезть по веревке до окна, отвязать клетку с Солнышком и спуститься с ней вниз. План был, конечно, очень рискованный, опасный вообще, а особенно потому, что она соорудила кошку сама, а не купила в специальном магазине. Но крюк было единственное, что она могла соорудить без оборудованной изобретательской лаборатории, да и время было на исходе. Клауса она ни во что не посвятила, так как не хотела обнадеживать его зря. Итак, не будя его, она взяла крюк и на цыпочках вышла из комнаты.

Очувтившись на дворе, Вайолет поняла, что план ее осуществить еще труднее, чем она думала. Стояла полная тишина, а значит следовало действовать абсолютно бесшумно. При этом дул ветерок. И когда Вайолет представила, как раскачивается на стене, цепляясь за веревку из безобразной одежды, она чуть не отказалась от своего замысла. К тому же в темноте не было видно, куда кидать и за что цеплять. Она стояла в ночной рубашке и дрожала от вечерней прохлады. И все-таки она знала, что обязана попытаться. Изо всей силы она как можно выше забросила крюк правой рукой и постояла в ожидании – зацепился ли он за что-нибудь.

Дзинь! Крюк с громким лязгом ударился о башню, но не задержался, а грохнулся на землю. Вайолет застыла на месте, сердце у нее колотилось, она ждала, что вот-вот Граф Олаф или кто-то из его сообщников явятся выяснить, в чем дело. Но никто не появился, и Вайолет, переждав несколько минут, раскрутила крюк над головой, как лассо, и забросила его во второй раз.

Дзинь, дзинь! Крюк дважды ударился о башню, падая вниз. Вайолет опять подождала, не послышатся ли шаги, но услышала лишь громкий стук своего бьющегося от страха сердца. Она решила попробовать еще раз.

Дзинь! Крюк отскочил от стены башни и снова упал, больно ударив Вайолет в плечо. Одна из лап порвала ей на плече рубашку и впилась в кожу. Прикусив кулак, чтобы не вскрикнуть, Вайолет пощупала раненое плечо – оно было мокрое, в крови. Руку дергало от боли.

На данном этапе я бы на месте Вайолет бросил это занятие, но Вайолет, уже поворачиваясь, чтобы уйти в дом, вдруг представила себе, как, должно быть, перепугана Солнышко... и, невзирая на боль в плече, еще раз забросила правой рукой крюк.

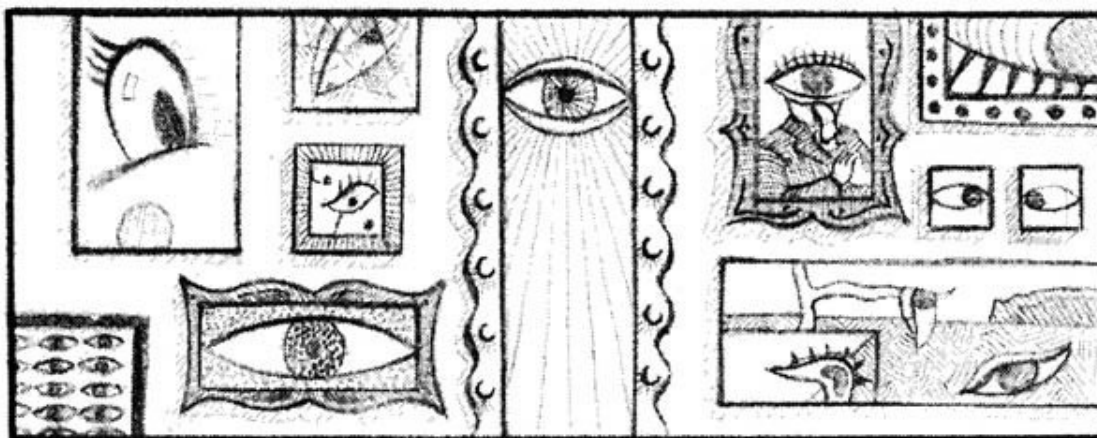
Дз... Привычный звук «дзинь» на полдороге прекратился, и в тусклом свете луны Вайолет разглядела, что крюк не падает. Она с волнением дернула веревку – и веревка выдержала рывок. Крюк сидел крепко.

Вайолет уперлась ногами в каменную кладку, сжала руками веревку, зажмурилась и стала подниматься. Она подтягивалась все выше, перебирая руками веревку и ни на минуту не забывая про свое обещание родителям и про страшные угрозы Олафа в случае, если его злодейский план удастся. По мере того как Вайолет взбиралась все выше, ночной ветер дул все сильнее, и несколько раз Вайолет приходилось останавливаться и пережидать порыв. Она боялась, что в любой момент материя порвется и она разобьется насмерть. Однако благодаря ее квалификации, что в данном случае означает «ее изобретательскому таланту», все удалось, и Вайолет вдруг ощутила под пальцами не тряпичное, а что-то металлическое. Она открыла глаза и увидела Солнышко, которая смотрела на нее сквозь прутья отчаянным взглядом и силилась сказать что-то сквозь пластырь. Вайолет добралась до верхушки башни прямо над окном, где висела связанная Солнышко!

Только Вайолет хотела схватить клетку с пленницей и начать спускаться, как вдруг увидела нечто, заставившее ее замереть. Паучья лапа крюка, зацепившаяся, как думала Вайолет, за какую-то выемку в каменной стене, или за оконную раму, или даже за мебель в комнате, на

самом деле зацепилась за нечто совершенно иное. Крюк Вайолет зацепился за другой крюк – за руку крюкастого типа. А второй его крюк, поблескивая в лунном свете, тянулся прямо к ней.

Глава одиннадцатая

– Как приятно, что ты решила к нам присоединиться, – приторным голосом произнес крюкастый.

Вайолет хотела сразу же скользнуть по веревке вниз, но помощник Графа Олафа оказался проворнее. Он мгновенно втащил ее в комнату и резким движением швырнул вниз спасательное устройство. Металлическая кошка со звоном ударилась о землю. Вайолет тоже попала в капкан.

– Я рад, что ты тут, – повторил крюкастый. – Я как раз очень соскучился по твоей хорошенькой мордашке. Садись сюда.

– Что вы собираетесь со мной делать? – спросила Вайолет.

– Я сказал – сядь! – прорычал крюкастый и толкнул ее на стул.

Вайолет оглядела скудно освещенную неряшливую комнату. В течение вашей жизни вам приходилось, наверное, замечать, что людское жилье обычно отражает личность своих обитателей. В моей комнате, например, собраны самые разные предметы, которые представляют для меня особую важность. Среди них – пыльный аккордеон, на котором я могу сыграть несколько грустных мелодий, толстая пачка записей о деятельности бодлеровских сирот и давным-давно сделанная, потускневшая от времени фотография женщины по имени Беатрис. Предметы эти для меня очень ценны и дороги. Комната в башне тоже содержала вещи, которые, видимо, были важны и дороги для Графа Олафа. Но вещи эти были страшные. Обрывки бумаги, на которых неразборчивым почерком были записаны его злодейские планы; они неопытным вором лежали на «Матримониальном праве», которое он отобрал у Клауса. Тут и там стояло несколько стульев и горело несколько свечей, которые отбрасывали колеблющиеся тени. По всему полу валялись пустые бутылки из-под вина и невымытые тарелки. Но больше всего там было рисунков – карандашных и маслом, а также вырезанных из дерева изображений глаз – больших, маленьких, всяких: глаза на потолке, глаза, процарапанные на грязном дощатом полу, глаза, кое-как нарисованные на подоконнике, а один большой глаз красовался на круглой ручке двери, которая вела на лестницу. Жуткое место!

Крюкастый залез в карман своего засаленного пальто и вытащил рацию. С некоторым трудом он нажал на кнопку и подождал минутку.

– Босс, это я, – сказал он. – Ваша стыдливая женушка только что забралась сюда, чтобы спасти маленькую кусачую дрянь. – Он помолчал, слушая Графа Олафа. – Не знаю. По какой-то веревке.

– При помощи альпинистской кошки, – пробормотала Вайолет, отрывая рукав от ночной рубашки, чтобы перевязать себе плечо. – Я сама ее сделала.

– Говорит, с помощью альпинистской кошки, – повторил крюкастый в рацию. – Не знаю, босс. Да, босс. Да, конечно, я понимаю – она ваша. Да, босс. – Он нажал на кнопку, разъединился и повернулся к Вайолет: – Граф Олаф очень недоволен своей молодой женой.

– Я ему не жена, – огрызнулась Вайолет.

– Ничего, скоро будешь. – Крюкастый помахал крюком, как другие помахивают пальцем. – А пока я должен сходить за твоим братцем. Вы все трое проведете здесь взаперти следующий день до вечера. Тогда Граф Олаф сможет быть уверен, что вы не придумаете еще какую-нибудь каверзу.

С этими словами крюкастый, тяжело ступая, вышел. Вайолет услышала, как он запер за собой дверь и затопал вниз по лестнице. Едва шаги его затихли, Вайолет бросилась к Солнышку и положила руку ей на голову. Развязать ее или снять со рта пластырь она не решалась, так как боялась навлечь, проще говоря вызвать, гнев Графа Олафа. Вайолет только погладила Солнышко по волосам и прошептала, что все в порядке.

Но, естественно, ничего в порядке не было, наоборот, все было из рук вон плохо. В башенную комнату уже просачивался рассвет, а Вайолет все перебирала в уме ужасающие испытания, которые они с братом и сестрой пережили за последнее время. Внезапно и страшным образом умерли родители. Миссис По купила им уродливую одежду. Они поселились в доме Графа Олафа, где с ними обращаются отвратительно. Мистер По отказался им помочь. Они раскрыли злодейский план своего опекуна, который хочет жениться на Вайолет, чтобы завладеть бодлеровским состоянием. Клаус попытался противостоять Графу Олафу, используя сведения, почерпнутые из книг судьи Штраус, – и потерпел неудачу. Бедную Солнышко взяли в плен. А теперь, когда Вайолет попробовала спасти Солнышко, она и сама стала пленницей. В общем, несчастья в их жизни следовали одно за другим, и Вайолет пришлось определить их положение как глубоко прискорбное, а если сказать по-другому – «отнюдь не доставляющее удовольствия».

Шаги на лестнице прервали ее размышления, и вскоре крюкастый отпер дверь и втолкнул в комнату сонного, испуганного и сбитого с толку Клауса.

– Так, и третий тут, – объявил крюкастый. – Теперь пойду помогу Графу Олафу с последними приготовлениями к сегодняшнему спектаклю. И чтоб больше никаких фокусов, а то я вас обоих тоже свяжу и вывешу за окошко.

Он свирепо глянул на них на прощание, запер опять дверь и затопал вниз по лестнице.

Клаус заморгал и оглядел грязную комнату. Он был в пижаме.

– Что случилось? – спросил он у Вайолет. – Почему мы тут?

– Я пыталась спасти Солнышко, – ответила Вайолет, – и с помощью одного моего изобретения взобралась на башню.

Клаус подошел к окну и посмотрел вниз:

– Тут так высоко. Тебе, наверное, было очень страшно.

– Жутко страшно, – призналась Вайолет, – но не так, как выйти замуж за Графа Олафа.

– Жалко, что твое изобретение не сработало, – печально заметил Клаус.

– Оно прекрасно сработало, – возмутилась Вайолет, потирая раненое плечо. – Просто этот тип меня сцапал. И теперь мы пропали. Он пообещал держать нас здесь до вечера, а там нас ждет «Удивительная свадьба».

– А ты не можешь придумать что-нибудь еще, чтобы нам спастись бегством? – спросил Клаус.

– Попробую, – ответила Вайолет. – А почему бы тебе не порыться во всех этих книгах и бумагах? Вдруг там найдется что-нибудь полезное?

Несколько часов подряд они перебирали все в комнате и у себя в голове, пытаясь найти что-нибудь, что могло бы им помочь. Вайолет искала предметы, с помощью которых могла бы что-нибудь смастерить. Клаус просматривал бумаги и книги Графа Олафа. Время от времени они подходили к Солнышку, ободряюще улыбались ей и трепали по головке. Изредка они перебрасывались словами друг с другом, но большей частью молчали, погруженные в свои мысли.

Примерно в полдень Вайолет вдруг сказала:

– Будь у нас керосин, я бы сделала из этих бутылок коктейль Молотова.

– Коктейль Молотова? Что это такое?

– Это такие небольшие бомбочки – бутылки с зажигательной смесью, – объяснила Вайолет. – Мы бы их выбросили из окна и привлекли внимание прохожих.

– Но керосина у нас нет, – с мрачным видом подытожил Клаус.

Они молчали еще несколько часов.

– Жаль, что тебя или его нельзя обвинить в полигамии, – наконец проговорил Клаус.

– Что значит «полигамия»?

– Это если бы у тебя уже был муж или у него жена, – объяснил Клаус. – Тогда по здешним законам вы совершили бы преступление, даже если бы женились в присутствии судьи, сказали «да» и подписали бумагу как положено. Я прочел про это в «Матримониальном праве».

– Но ничего такого нет, – сокрушенно заметила Вайолет.

Прошло еще несколько часов в молчании.

– Можно было бы разбить бутылки и использовать их как ножи, но, боюсь, труп Графа Олафа нас все равно одолеет.

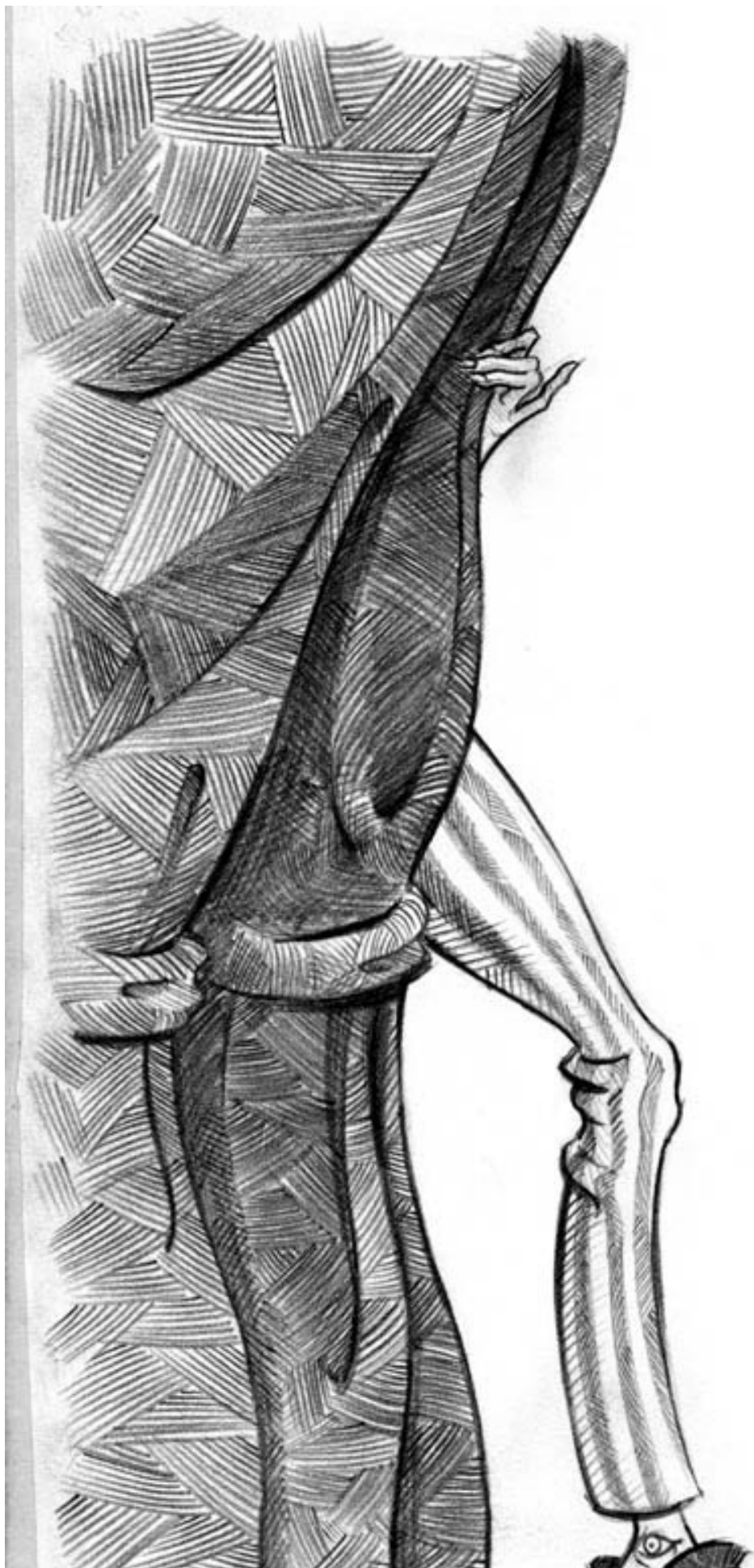
– Ты можешь ответить «нет» вместо «да», – предложил Клаус. – Но, боюсь, Граф Олаф велит тогда отвязать клетку с Солнышком.

– Само собой разумеется, – раздался голос Графа Олафа, и дети вздрогнули от неожиданности.

Они так увлеклись разговором, что не слышали, как он поднялся по лестнице и отпер дверь. На нем был театральный костюм, а бровь до того натерта воском, что блестела так же сильно, как глаза. За спиной у него виднелся крюкастый, он улыбался и манил детей крюком.

– Идемте, сироты, – скомандовал Граф Олаф. – Пришло время для свершения великого события. Мой помощник останется здесь в комнате, и мы с ним будем держать связь по рации. Если во время представления что-то пойдет *не так*, ваша сестра разобьется насмерть. Пошли!

Глава двенадцатая

Вайолет и Клаус Бодлер, по-прежнему в пижаме и ночной рубашке, стояли за кулисами олафовского театра, находясь в состоянии раздвоения личности. В данном случае это означало, что они одновременно испытывали противоположные чувства. С одной стороны, они, естественно, содрогались от страха. Судя по приглушенным звукам голосов, доносившихся со сцены, спектакль «Удивительная свадьба» уже начался, и пытаться сорвать его было поздно. С другой стороны, они были зачарованы всем происходящим: ни разу в жизни они не бывали за кулисами во время спектакля, а там было на что посмотреть. Члены олафовской труппы бегали туда-сюда и на бодлеровских детей внимания не обращали. Три очень низеньких человечка тащили большой фанерный щит, расписанный так, будто это жилая комната. Две женщины с белыми лицами ставили цветы в вазу, которая издали казалась мраморной, но вблизи оказалась картонной. Важного вида человек, с лицом, усеянным бородавками, возился с осветительной аппаратурой. Выглянув украдкой на сцену, дети увидели, как Граф Олаф в театральном костюме произносит какие-то фразы из пьесы, но тут же занавес опустился. Занавесом управляла коротко стриженная женщина, которая тянула за длинную веревку, перекинутую через блок. Так что, как видите, страх не помешал Бодлерам с интересом наблюдать происходящее, им только хотелось, чтобы к ним это не имело прямого отношения.

Как только занавес упал, Граф Олаф вышел за кулисы и увидел детей:

– Уже конец второго действия! Почему сироты не одеты?! – прошипел он, обращаясь к женщинам с белыми лицами.

Услышав, что публика разразилась аплодисментами, Граф сменил злобное выражение лица на радостное и снова вышел на сцену. Встав в центре, он сделал знак стриженной женщине поднять занавес и, когда занавес взвился, стал раскланиваться и посылать зрителям воздушные поцелуи. Но как только занавес опустился, лицо его снова приняло злобное выражение.

– Антракт всего десять минут, – сказал он, – а дальше дети выходят на сцену. Быстро надевайте на них костюмы!

Ни слова не говоря, женщины схватили Вайолет и Клауса за руки и потащили в артистическую. Комната была пыльная, но ярко освещенная, с зеркалами и лампочками над каждым зеркалом, чтобы актерам было удобнее накладывать грим и надевать парики. Актеры переговаривались друг с другом и смеялись, переодеваясь к следующему акту. Одна из женщин с белым лицом задрала Вайолет руки вверх, сдернула с нее ночную рубашку и сунула ей грязно-белое кружевное платье. Вторая стащила с Клауса пижаму и поспешно впихнула его в синий матросский костюмчик, от которого тело у него зачесалось. В нем он стал выглядеть как малолетний ребенок.

– Ну, разве это не увлекательно? – раздался голос, и дети, обернувшись, увидели судью Штраус в судейской мантии и в напудренном парике. В руке она сжимала небольшую книжку. – Дети, вы чудесно выглядите!

– Вы тоже, – отозвался Клаус. – А что это за книжка?

– А-а, это моя роль. Граф Олаф посоветовал мне взять с собой свод законов и прочесть настоящие слова из настоящей брачной церемонии, чтобы пьеса выглядела как можно реалистичнее. Тебе, Вайолет, придется сказать только «да», но мне надо произнести целую речь. Вот будет забавно!

– Знаете, как было бы еще забавнее? – осторожно проговорила Вайолет. – Если бы вы изменили слова своей роли, так, чуть-чуть.

Клаус оживился:

– Верно. Проявите творческую инициативу, судья Штраус. Ведь необязательно придерживаться точной официальной церемонии. Это же не настоящее венчание.

Судья Штраус нахмурилась:

– Не знаю, дети, не знаю. Я думаю, лучше следовать указаниям Графа Олафа. В конце концов, он тут главный.

– Судья Штраус! – позвал кто-то. – Судья Штраус! Пожалуйста, зайдите к гримеру!

– Ох, мне наложат грим! – У судьи Штраус на лице появилось мечтательное выражение, как будто ее собирались короновать, а не перепачкать лицо пудрой и кремом. – Детки, я должна идти. Увидимся на сцене!

Судья Штраус убежала, а дети закончили переодеваться. Одна из женщин надела Вайолет на голову убор из цветов, и Вайолет вдруг с ужасом осознала, что платье на ней подвенечное. Вторая женщина надела Клаусу на голову матросскую шапочку, и, поглядевшись в зеркало, Клаус поразился, до чего нелепо он выглядит. Они встретились глазами с Вайолет в зеркале.

– Что мы можем успеть сделать? – тихонько сказал Клаус. – Притвориться больными? Тогда, возможно, спектакль отменят?

– Граф Олаф догадается, чего мы добиваемся, – мрачно возразила сестра.

– Акт третий «Удивительной свадьбы» Аль Функута начинается! – выкрикнул человек, державший в руке доску с зажимом для бумаги. – Все займите свои места!

Актеры опрометью выбежали из артистической, а женщины опять схватили детей за руки и потащили вдогонку за остальными. За кулисами творилось настоящее столпотворение, актеры и рабочие сцены суетились, производя последние приготовления. Спешивший мимо лысый с длинным носом вдруг остановился, оглядел Вайолет в ее свадебном наряде и ухмыльнулся.

– Никаких фокусов! – Он погрозил костлявым пальцем. – Помните, когда окажетесь на сцене, делайте в точности, что вам велено. Граф Олаф в течение всего акта будет держать в руке рацию. Если хоть что-нибудь себе позволите лишнее, он тут же даст знать в башню.

– Знаем, знаем, – с досадой отозвался Клаус. Ему уже надоело слушать одни и те же угрозы.

– Советую поступать как намечено, – повторил лысый.

– Не сомневаюсь, что так они и поступят, – сказал чей-то голос, и дети увидели парадно одетого мистера По в сопровождении миссис По. Он улыбнулся и подошел поздороваться с детьми:

– Мы с Полли хотели пожелать вам ни пуха ни пера. Я рад, что вы приспособились к жизни с новым отцом и принимаете участие в семейном начинании.

– Мистер По, – быстро проговорил Клаус, – мы с Вайолет хотим вам кое-что сказать. Очень важное.

– И что же вы хотите сказать? – отозвался мистер По.

– Да, дети, – вмешался возникший неизвестно откуда Граф Олаф, – что же вы такое хотите сказать мистеру По? – Блестящие глаза его пристально глядели на детей. В руке он держал рацию.

– Что мы ценим все, что вы для нас сделали, мистер По, – упавшим голосом произнес Клаус. – Вот и все, что мы хотели сказать.

– Само собой, само собой, – мистер По похлопал Клауса по спине. – Ну хорошо, нам с Полли пора занять наши места. Итак, ни пуха ни пера, Бодлеры!

И мистер По ушел. Граф Олаф подтолкнул детей в середину сцены. Там толпились актеры, разбегаясь по своим местам, отведенным им в третьем акте. Судья Штраус в уголке повторяла вслух нужные строки из свода законов. Клаус оглядел сцену, выискивая хоть кого-нибудь, кто мог бы им помочь. Лысый с длинным носом взял Клауса за руку и отвел его в сторону:

– Мы с тобой будем стоять тут весь акт. И не вздумай валять дурака.

Клаус смотрел, как его сестра в подвенечном платье встала рядом с Графом Олафом. Занавес поднялся. Из зала послышались аплодисменты, и третий акт «Удивительной свадьбы» начался.

Никакого интереса для вас нет, если бы я стал описывать, как в подробностях разворачивалось действие этой пресной, в смысле скучной и глупой, пьесы Аль Функута. Пьеса никуда не годилась и для нашего повествования значения не имеет. Актеры и актрисы произносили очень вялые диалоги, передвигаясь в то же время по сцене. Клаус пытался встретиться с ними глазами, чтобы понять, можно ли ожидать от кого-нибудь помощи. Очень скоро он сообразил, что пьеса эта выбрана специально для осуществления злодейских замыслов Графа Олафа, а вовсе не за какую-то занимательность и для удовольствия публики. Клаус заметил, что зрители уже потеряли интерес к зрелищу и ерзают на стульях. Он перенес свое внимание на зал – не заметят ли оттуда, что на сцене творится что-то не то. Но человек с бородавками установил осветительную аппаратуру таким образом, что свет мешал Клаусу разглядеть лица, он видел только неясные очертания людей. Граф Олаф беспрерывно произносил очень длинные монологи, сопровождая их замысловатой жестикуляцией и гримасами. И ни один человек, судя по всему, не замечал, что все это время Граф Олаф не выпускает из руки рацию.

Наконец заговорила судья Штраус, и Клаус увидел, что она читает прямо из книги с законами. Глаза ее сверкали, лицо раскраснелось, это было ее первое в жизни театральное выступление, и в своем упоении она не замечала, что стала частью олафовского злодейского плана. Она говорила и говорила про Олафа и Вайолет, и как они будут вместе в болезни и в здоровье, в хорошие времена и в тяжелые, и всякое такое, что говорится тем, кто почему-либо решил пожениться.

Когда судья Штраус кончила читать, она повернулась к Графу Олафу и спросила:

– Согласны вы взять эту женщину в жены?

– Да, – ответил, улыбаясь, Граф Олаф.

Клаус заметил, как Вайолет всю передернуло.

– А ты, согласна ты взять этого человека в мужа? – Судья Штраус повернулась к Вайолет.

– Да, – ответила Вайолет.

Клаус сжал кулаки. Его сестра сказала «да» в присутствии судьи! Как только она подпишет официальный документ, брак станет законным. И вот уже судья Штраус взяла бумагу у одного из актеров и протянула ее Вайолет, чтобы та подписала ее.

– Ни с места, – пробормотал лысый, и Клаус, думая о Солнышке, висящей на верхушке башни, замер, не смея шевельнуться, и только следил за Вайолет. Та взяла протянутое ей Графом Олафом длинное гусиное перо. Расширенными глазами она смотрела на договор, лицо ее побледнело, а левая рука, когда она подписывала бумагу, дрожала.

Глава тринадцатая

– А теперь, дамы и господа, – Граф Олаф выступил вперед и обратился к публике, – я хочу сделать заявление. Показывать спектакль дальше нет смысла, цель его достигнута. Вы видели не сцену из пьесы. Мой брак с Вайолет Бодлер абсолютно законен, и теперь я распоряжаюсь ее состоянием.

В публике ахнули, некоторые актеры в изумлении переглядывались. Видимо, не все знали о замысле Графа Олафа.

– Этого не может быть! – вскричала судья Штраус.

– Брачный закон здесь очень прост, – заметил Граф Олаф. – Невеста должна только сказать «да» в присутствии судьи – а вы и есть судья – и подписать брачный договор, а все присутствующие, – Граф Олаф обвел рукой зрительный зал, – являются свидетелями, что она это сделала.

– Но ведь Вайолет еще ребенок! – воскликнул кто-то из актеров. – Ей еще не полагается выходить замуж.

– Полагается, если согласен ее законный опекун, – возразил Граф Олаф. – А я, будучи ее мужем, еще и законный опекун.

– Но эта бумажка не официальный документ! – возмутилась судья Штраус. – Это просто театральный реквизит.

Граф Олаф взял у Вайолет лист и передал его судье Штраус:

– Если вы посмотрите внимательно, то увидите, что это официальный бланк из муниципалитета.

Судья Штраус быстро пробежала бумагу, потом прикрыла глаза, глубоко вздохнула и глубокомысленно наморщила лоб.

«Интересно, – подумалось наблюдавшему за ней Клаусу, – у нее такое же выражение лица, когда она исполняет свои обязанности в суде?»

– Вы правы, – сказала она наконец, обращаясь к Графу Олафу, – к сожалению, этот брак действителен. Вайолет ответила «да» и поставила свою подпись. Да, вы ее муж, а потому имеете полное право распоряжаться ее состоянием.

– Этого быть не может! – послышалось из зала, и Клаус узнал голос мистера По. Тот взбежал по ступенькам на сцену и взял из рук судьи Штраус бумагу. – Это какая-то немислимая чепуха.

– Боюсь, что эта чепуха является законом. – Глаза судьи Штраус наполнились слезами. – Прямо поверить не могу, как легко я дала себя обмануть. Сама я никогда не причинила бы вам вреда, дети. Никогда.

– Да, обмануть вас ничего не стоило, – с ухмылкой подтвердил Граф Олаф, и судья расплакалась. – Завладеть их состоянием оказалось парой пустяков. А теперь, прошу извинить, мы с женой отправляемся домой, у нас впереди брачная ночь.

– Сначала отпустите Солнышко! – закричал Клаус. – Вы обещали!

– Да, а где Солнышко? – спохватился мистер По.

– В настоящий момент крепко-накрепко увязана, – отозвался Граф Олаф. – Если вы простите мне маленькую шутку.

Глаза у Графа Олафа блестели особым блеском, когда он нажал на кнопку рации и стал ждать, пока крюкастый ответит.

– Алло! Да, конечно, это я, болван! Все прошло по плану. Вынь, пожалуйста, девчонку из клетки и доставь прямо сюда, в театр. Они с Клаусом должны еще выполнить кое-какие задания до сна. – Граф Олаф кинул на Клауса колючий взгляд: – Теперь ты удовлетворен?

– Да, – спокойно ответил Клаус. Удовлетворен он, естественно, не был, но по крайней мере младшая сестра уже не болталась в клетке на верху башни.

– Не думай, будто ты в такой уж безопасности, – шепнул ему лысый. – Граф Олаф еще займется тобой и твоими сестрами попозже. Он просто не хочет этого делать на людях.

Клаусу не нужно было объяснять, что лысый разумел под словом «займется».

– А вот я совершенно не удовлетворен, – заявил мистер По. – Это абсолютно чудовищно. Абсолютно кошмарно. Это немисливо в финансовом отношении.

– Боюсь, однако, что тут все по закону, – возразил Граф Олаф, – а закон налагает обязательства. Завтра, мистер По, я зайду в банк и заберу все деньги Бодлеров.

Мистер По хотел что-то сказать, но у него начался приступ кашля. Несколько секунд он кашлял в платок, а все вокруг ждали, когда он заговорит.

– Я не допущу этого, – выдохнул он наконец, вытирая рот. – Решительно не допущу.

– Боюсь, придется, – возразил Граф Олаф.

– Ох... наверное, Олаф прав, – всхлипнула судья Штраус, – этот брак имеет законную силу.

– Прошу прощения, – вмешалась вдруг Вайолет, – но, возможно, вы ошибаетесь.

Все повернули головы в ее сторону.

– Что вы такое говорите, графиня? – спросил Олаф.

– Никакая я не графиня, – огрызнулась Вайолет с запальчивостью, что в данном случае означает «крайне раздраженным тоном». – По крайней мере я думаю, что это так.

– Каким это образом? – осведомился Граф Олаф.

– Я не подписалась той рукой, которой обычно подписываю документы.

– Как так? Мы все видели, как ты подписалась. – Бровь у Графа Олафа поползла вверх.

– Боюсь, твой муж прав, милочка, – печально сказала судья Штраус. – Отрицать это бесполезно. Вокруг слишком много свидетелей.

– Как и большинство людей, – продолжала Вайолет, – я правша. Но бумагу я подписала левой рукой.

– Что?! – закричал Граф Олаф. Он вырвал бумагу у судьи Штраус и взгляделся в нее. Глаза его заблестели. – Ты врунья! – зашипел он.

– Ничего подобного! – взволнованно воскликнул Клаус. – Я заметил, как у нее дрожала левая рука, когда она подписывалась.

– Но доказать это невозможно, – возразил Граф Олаф.

– Почему же, – сказала Вайолет, – я с удовольствием подпишусь еще раз на отдельном листке правой рукой, а потом левой, и мы сравним – которая подпись больше напоминает ту, что на документе.

– Неважно, какой рукой ты подписалась, – настаивал Граф Олаф, – это не играет роли.

– Если позволите, сэр, – вставил мистер По, – предоставим решать это судье Штраус.

Все посмотрели на судью Штраус, вытирающую последние слезы.

– Дайте-ка сюда, – сказала она тихо и закрыла глаза. Потом глубоко вздохнула, и бодлеровские сироты вместе с теми, кто им сочувствовал, затаили дыхание, глядя, как судья Штраус наморщила лоб, усиленно обдумывая создавшуюся ситуацию. Наконец она улыбнулась. – Если Вайолет действительно правша, – судья старательно подбирала слова, – а подписывалась левой рукой, значит подпись не соответствует условиям матримониального права. Закон ясно говорит: «Брачный договор должен быть подписан той рукой, какой обычно подписывают документы». Таким образом, можно заключить, что брак этот недействителен. Ты, Вайолет, не графиня, а вы, Граф Олаф, не имеете права распоряжаться бодлеровским состоянием.

– Ура! – раздалось из зала, некоторые зааплодировали.

Если вы не юрист, вам может показаться странным, что план Графа Олафа провалился только из-за того, что Вайолет расписалась левой рукой, а не правой. Но закон – странная штука. В Европе, например, есть страна, где закон требует, чтобы все пекари продавали хлеб по одинаковой цене. А на некоем острове закон запрещает снимать урожай со своих фруктовых деревьев. А в город, находящийся неподалеку от того места, где проживаете вы, закон не подпускает меня ближе, чем на пять миль. Подпиши Вайолет брачный договор правой рукой – и закон сделал бы ее несчастной графиней, но она подписалась левой – и, к ее облегчению, так и осталась несчастной сиротой.

То, что для Вайолет и ее брата с сестрой явилось хорошей новостью, для Графа Олафа, естественно, обернулось неудачей. Тем не менее он одарил всех зловещей улыбкой.

– В таком случае, – сказал он Вайолет, нажимая на кнопку рации, – или ты выходишь за меня по всем правилам, или же я...

– Ни-и-по-о! – пронзительный голосок, безошибочно принадлежащий Солнышку, заглушил слова Графа Олафа. Она проковыляла по сцене к сестре и брату, а за ней вошел крюкастый. Его рация трещала и гудела. Граф Олаф опоздал!

– Солнышко! Ты цела! – И Клаус обнял ее.

Вайолет тоже подбежала к ним, и старшие Бодлеры засуетились около младшей.

– Принесите ей что-нибудь поесть, – попросила Вайолет. – Она, наверное, очень голодна, столько времени провисела на башне.

– Кекс! – выкрикнула Солнышко.

– Г-р-р! – зарычал Граф Олаф. Он заходил взад-вперед по сцене, как зверь по клетке, потом остановился и наставил палец на Вайолет. – Ты, может, мне и не жена, – рявкнул он, – но пока еще ты моя дочь, и я...

– Неужели вы в самом деле думаете, – сердито проговорил мистер По, – что я вам позволю быть опекуном этих детей после того, как я был свидетелем вашего вероломства?

– Сироты находятся на моем попечении, – настаивал Граф Олаф, – и останутся со мной. Ничего незаконного нет в желании жениться на ком-нибудь.

– Но противозаконно вывешивать маленького ребенка за окно башни! – с негодованием заявила судья Штраус. – Вы, Граф Олаф, сядете за решетку, а дети будут жить со мной.

– Арестуйте его! – крикнул кто-то из зрителей, и остальные подхватили этот крик.

– В тюрьму его!

– Негодяй!

– Пусть отдаст нам деньги за билеты обратно! Пьеса поганая!

Мистер По взял за руку Графа Олафа и после короткого приступа кашля объявил суровым голосом:

– Именем закона я арестую вас!

– Ой, судья Штраус! – воскликнула Вайолет. – Вы вправду этого хотите? Мы в самом деле сможем жить с вами?

– Конечно, – ответила судья Штраус. – Я очень к вам привязалась и чувствую себя ответственной за ваше благополучие.

– И мы сможем пользоваться каждый день вашей библиотекой? – вскричал Клаус.

– И работать в саду? – спросила Вайолет.

– Кекс! – снова выкрикнула Солнышко, и все вокруг засмеялись.

На этом месте я вынужден прервать свой рассказ и объявить последнее предупреждение. Как я уже говорил в самом начале: у книги, которую вы держите сейчас в руках, не будет хорошего конца. Вы можете подумать, будто Граф Олаф отправится в тюрьму и с этого дня трое бодлеровских детей заживут счастливой жизнью у судьи Штраус. Но это не так. Еще не поздно сразу же закрыть книгу и не читать дальше, до самого несчастливого конца. Вы можете всю вашу остальную жизнь считать, что бодлеровские дети восторжествовали над Графом Олафом и в дальнейшем блаженствовали в доме и библиотеке судьи Штраус. На самом-то деле история эта разворачивалась совсем по-другому. В то время как все смеялись над криком Солнышка, потребовавшей кекса, внушительного вида мужчина с бородавками на лице незаметно проскользнул к осветительному щиту. В мгновение ока он дернул главный рубильник – и все очутились в полной темноте. Немедленно поднялась всеобщая суматоха, все кричали и метались. Актеры налетали на зрителей. Мистер По схватил свою жену, приняв ее за Графа Олафа. Клаус схватил Солнышко и поднял как можно выше, чтобы ее не затоптали. Вайолет же, которая сразу сообразила, что произошло, осторожно пробралась туда, где, как ей показалось, находились выключатели. Пока шел спектакль, она внимательно наблюдала за осветительным щитом и на всякий случай запомнила расположение рукояток: вдруг они пригодятся ей для какого-нибудь полезного устройства? Она не сомневалась, что сумеет включить свет, стоит только отыскать выключатель. Вытянув руки вперед, она шла по сцене как слепая, старательно обходя предметы и испуганных актеров – в темноте Вайолет, медленнодвигающаяся по сцене в своем белом свадебном платье, выглядела как привидение. В тот момент, когда она уже дотронулась до рукоятки, она ощутила руку на своем плече, и некто, нагнувшись, прошептал ей в ухо:

– Все равно я доберусь до твоих денег. А когда доберусь, то убью тебя и твоих братца с сестрой собственными руками.

Вайолет вскрикнула от испуга, но все же дернула рукоятку. Весь театр залило светом. Все заморгали и стали озирались. Мистер По отпустил жену. Клаус спустил на пол Солнышко. Но около Вайолет уже никого не было. Граф Олаф исчез.

– Куда он делся? – закричал мистер По. – Куда они все подевались?

Дети огляделись и увидели, что исчез не только Граф Олаф, но и его сообщники – человек в бородавках, тип с крюками, лысый с длинным носом, громадина – не то мужчина, не то женщина, и две женщины с белыми лицами.

– Наверное, они выбежали на улицу, пока в театре было темно, – предположил Клаус.

Мистер По вышел на улицу, судья Штраус с детьми последовали за ним. В самом конце квартала виднелся удаляющийся длинный черный автомобиль. Возможно, там находился Граф Олаф с сообщниками, а возможно, и нет. Как бы то ни было, пока они смотрели, машина завернула за угол и исчезла где-то в городской темноте.

– Проклятье, – сказал мистер По. – Они удрали. Но не беспокойтесь, дети, мы их поймем. Я немедленно позвоню в полицию.

Вайолет, Клаус и Солнышко обменялись взглядами. Они-то знали, что не так все просто. Уж Граф Олаф постарается не попадаться на глаза, пока готовится сделать следующий ход. Он слишком хитер, где уж его поймать такому, как мистер По.

– А теперь, дети, идемте домой, – сказала судья Штраус. – Беспокоиться о Графе Олафе будем завтра утром после того, как я приготовлю вкусный завтрак.

Мистер По кашлянул.

– Подождите минутку, – остановил он их, глядя в пол. – Мне жаль огорчать вас, дети, но я не могу поручить вас никому, кто вам не родственник.

– Как? – вскричала Вайолет. – Это после всего, что судья Штраус для нас сделала?!

– Нам бы ни за что не разгадать планов Графа Олафа без нее и без ее библиотеки, – добавил Клаус. – Без судьи Штраус мы вообще лишились бы жизни.

– Пусть так, – согласился мистер По, – и я благодарю судью Штраус за великодушное предложение. Но завещание ваши родители оставили очень определенное: усыновить вас должен родственник. Сегодня вы переночуете у меня в доме, а завтра я пойду в банк и там сообщу, что с вами делать. Сожалею, но ничего тут не поделаешь.

Дети взглянули на судью Штраус: она тяжело вздохнула и крепко обняла каждого по очереди.

– Мистер По прав, – печально сказала она. – Он обязан уважать желание ваших родителей. Разве вы не хотите выполнить желание ваших родителей, дети?

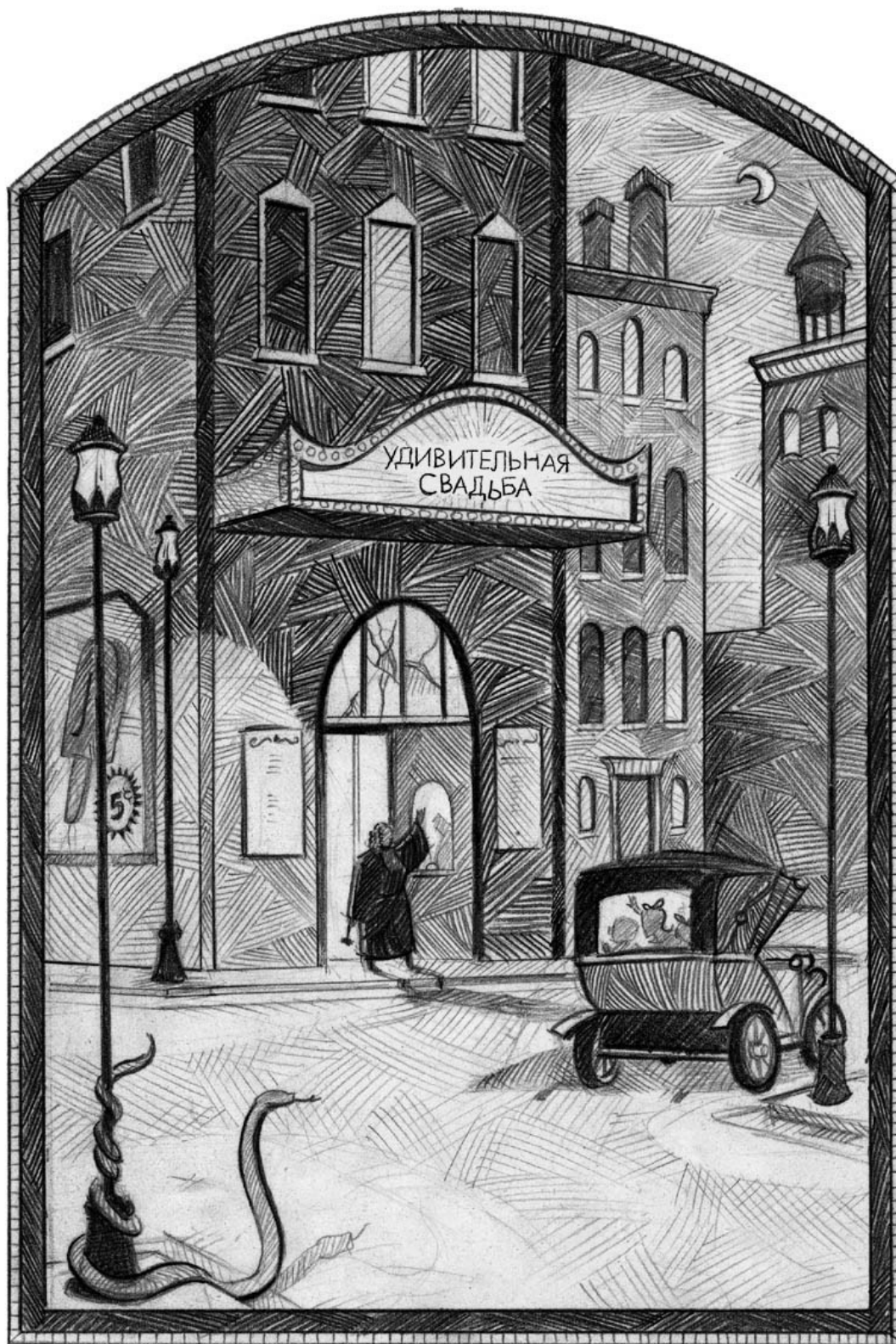
Вайолет, Клаус и Солнышко представили себе своих любящих родителей, и более чем когда-либо им захотелось, чтобы не было этого пожара. Никогда еще они не чувствовали себя такими одинокими. Они мечтали пожить у этой доброй и великодушной женщины, но понимали, что это невозможно.

– Наверное, вы правы, судья Штраус, – выговорила наконец Вайолет. – Но нам будет очень не хватать вас.

– А мне – вас, – подхватила та, и глаза ее снова наполнились слезами.

Дети по очереди обняли судью Штраус и пошли вслед за мистером и миссис По к их машине. Перед ними в темноту уходила улица, по которой сбежал Граф Олаф, чтобы замесить что-то еще, такое же вероломное. Позади оставалась добрая судья, проявившая такую заинтересованность в них. Всем троим казалось, что мистер По и закон несправедливо отняли у них возможность счастливой жизни с судьей Штраус и послали навстречу неизвестности – к новой жизни с неизвестным родственником. Им было непонятно, почему так нужно, но с несчастьями часто так: понимай, не понимай – дело не меняется.

Бодлеровские дети сидели, тесно прижавшись друг к другу, согреваясь после ночной прохлады, и долго махали, глядя в заднее стекло. Машина ехала все дальше, скоро судья Штраус превратилась в пятнышко, и детям стало казаться, что они движутся в превратном направлении, то есть «совершенно, совершенно ошибочном и огорчительном».

Моему любезному издателю

Пишу вам из лондонского отделения Герпетологического общества, где пытаюсь разузнать, что случилось с коллекцией пресмыкающихся доктора Монтомери Монтомери после трагических событий, которые произошли в то время, когда бодлеровские сироты находились на его попечении.

В следующий вторник в одиннадцать вечера мой коллега оставит небольшую водонепроницаемую коробку в телефонной будке отеля «Электра». Будьте добры, заберите ее до полуночи, чтобы она не попала в чужие руки. В коробке вы найдете мое описание тех ужасных событий под названием «Змеиный Зал», а также план Паршивой Тропы, копию фильма «Зомби в снегу» и рецепт кокосового торта с кремом доктора Монтомери. Мне удалось также раздобыть одну из немногих фотографий доктора Лукафонта, чтобы помочь мистеру Хелквисту в иллюстрировании книжки.

Помните, вы моя последняя надежда на то, чтобы о бодлеровских сиротах было наконец рассказано широкой публике.

Со всем подобающим почтением,

Лемони Сникет

Змеиный зал Перевод Н. Тихонова

*Посвящается Беатрис
Моя любовь к тебе будет жить вечно.
Чего тебе самой, увы, не удалось.*

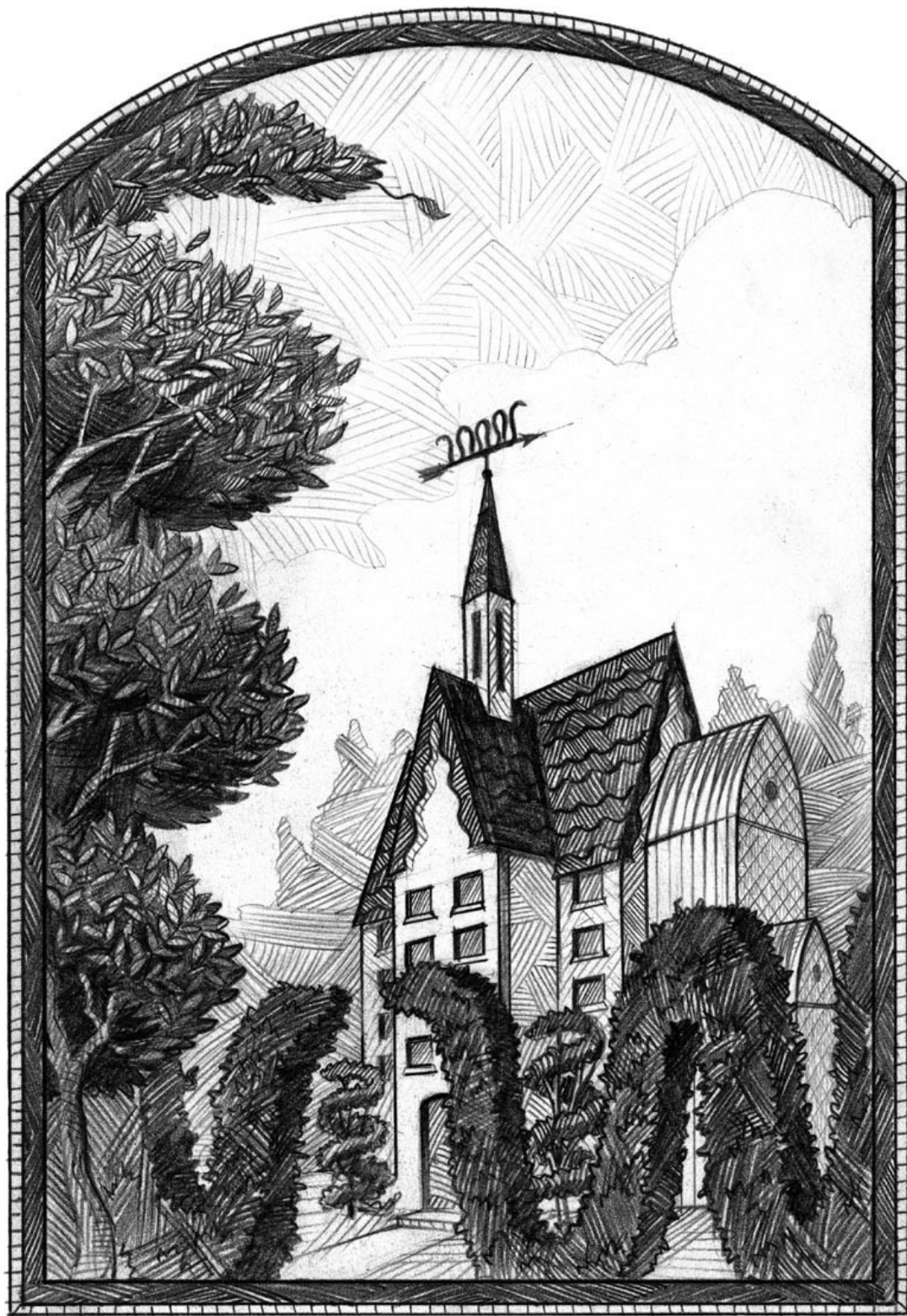
Дорогой читатель!

Если вы взяли эту книжку в надежде прочитать что-то простое и радостное, то, боюсь, вы очень ошиблись в своем выборе. Поначалу история эта, правда, может показаться веселой, поскольку бодлеровские дети проводят время в обществе занимательных рептилий и легкомысленного дядюшки, но не обманывайтесь на этот счет. Если вы хоть немного знаете про неудачливых бодлеровских сирот, то должны уже знать и то, что даже приятные события в конце концов приводят их туда же – к беде.

И в самом деле, на протяжении не очень большой книги, которую вы держите в руках, троиче пришлось пережить автомобильную катастрофу, кошмарный запах, смертельно ядовитую змею, длинный нож, большую бронзовую лампу и неожиданное появление персонажа, которого они надеялись больше никогда не встретить.

Зарегистрировать все эти события – мой долг, но вы вольны поставить книжку назад на полку и выбрать себе что-нибудь полегче.

*Со всем подобающим почтением,
Лемони Сникет*

Глава первая

Дорога, что ведет из города мимо Туманной Гавани в городок Скуки, пожалуй, самая неприятная на свете. Называется она Паршивой Тропой. Паршивая Тропа тянется через поля тошнотворно-серого цвета, на которых горстка чахлах деревьев родит такие кислые яблоки, что при одном взгляде на них сводит скулы. Паршивая Тропа пересекает Мрачную Реку, массу воды, которая на девять десятых состоит из ила и в которой водится чрезвычайно мерзкая рыба. Затем Тропа огибает фабрику по переработке хрена – можете себе представить, какой едкий запах стоит во всей этой округе.

Мне очень неприятно начинать эту историю с того, что бодлеровские сироты едут по такой отвратительной дороге и что дальше будет только хуже. Есть в мире люди, на долю которых выпала горестная жизнь, и таких, как нам известно, немало, но юным Бодлерам досталось сполна – здесь это означает, что все самые ужасные вещи произошли не с кем-то другим, а именно с ними. Страшный пожар лишил их и дома, и любящих родителей. Вообще-то такой беды человеку хватит на целую жизнь, но здесь это было только скверное начало. После пожара их отправили жить к дальнему родственнику по имени Граф Олаф, человеку страшному и очень жадному. Бодлеры-родители оставили огромное состояние, которое должно было перейти к детям, когда Вайолет достигнет совершеннолетия, и Граф Олаф так жаждал наложить на него свои грязные лапы, что замыслил дьявольский план, от которого меня до сих пор по ночам мучат кошмары. Графа Олафа вовремя разоблачили, но он бежал, поклявшись, что рано или поздно завладеет состоянием Бодлеров. Вайолет, Клауса и Солнышко до сих пор преследуют во сне блестящие-преблестящие глаза Графа Олафа, его мохнатая бровь, но больше всего – глаз, татуированный на щиколотке. Куда бы бодлеровские сироты ни пошли, этот глаз, казалось, всюду следует за ними.

Поэтому должен вам сказать: если вы открыли эту книгу в надежде узнать, что теперь у бодлеровских детей все в порядке, то лучше вам ее закрыть и почитать что-нибудь другое. Ведь Вайолет, Клаус и Солнышко сидят в маленькой, тесной машине и, глядя в окна на Паршивую Тропу, едут навстречу еще большим несчастьям и горю. Мрачная Река и фабрика по переработке хрена лишь первые в цепи эпизодов, и стоит мне о них подумать, как лоб у меня хмурится, а на глаза наворачиваются слезы.

Машину вел мистер По, друг семьи, который служил в банке и всегда кашлял. Он был душеприказчиком родителей сирот и как таковой решил, что после всех неприятностей в доме Графа Олафа детей следует вверить заботам дальнего родственника, живущего в деревне.

– Извините за неудобства, – сказал мистер По, кашляя в белый носовой платок, – но моя новая машина слишком мала. В ней не нашлось места ни для одного вашего чемодана. Примерно через неделю я вернусь и привезу их.

– Благодарю вас, – сказала Вайолет. Ей было четырнадцать, и она была старшей из бодлеровских детей. Всякий, кто знал Вайолет, сразу бы заметил, что думает она вовсе не о словах мистера По: ее волосы были перевязаны лентой. Вайолет была изобретательницей и, придумывая свои изобретения, любила стягивать волосы на затылке, чтобы они не падали на глаза. Это помогало ей четко представлять себе разные колеса, пружины и тросы, из которых состояло большинство ее творений.

– Думаю, что после городской жизни, – продолжал мистер По, – вам будет приятно оказаться в деревне. Как-никак смена обстановки. Ах, вот и поворот. Мы почти приехали.

– Это хорошо, – спокойно заметил Клаус. Поездка на машине многих утомляет, утомила она и Клауса, кроме того, он печалился, что у него нет с собой книги. Клаус любил читать и в свои неполные двенадцать лет прочитал больше книг, чем многие люди за целую жизнь.

– Думаю, доктор Монтгомери вам тоже понравится, – сказал мистер По. – Он много путешествовал и может рассказать вам немало интересного. Я слышал, что его дом полон вещей, привезенных отовсюду, где он побывал.

– Гак! – выкрикнула Солнышко. Младшая из бодлеровских сирот, Солнышко часто изъяснялась подобным образом, что характерно для многих младенцев. В сущности, кроме тех случаев, когда она кусала все, что ей попадалось, своими четырьмя очень острыми зубками, большую часть времени Солнышко проводила, выкрикивая нечто отрывочное. Было очень трудно определить, что именно она хочет сказать. Сейчас она, пожалуй, имела в виду нечто вроде: «Я очень волнуюсь перед встречей с новым родственником». Волновались все трое.

– Какое в точности родство связывает нас с доктором Монтгомери? – спросил Клаус.

– Доктор Монтгомери... дайте подумать... брат жены кузена вашего покойного отца. Да, пожалуй, так. Он ученый, правда не знаю, в какой области, и получает много денег от правительства.

– Как нам следует его называть? – спросил Клаус.

– Вам следует его называть доктор Монтгомери, – ответил мистер По, – если он не скажет, чтобы вы называли его просто Монтгомери. Поскольку Монтгомери его имя и фамилия, то это почти все равно.

– Его зовут Монтгомери Монтгомери? – улыбаясь, спросил Клаус.

– Да, и, насколько мне известно, он относится к этому очень болезненно, так что не надо над ним насмехаться, – ответил мистер По, снова кашляя в носовой платок. – «Насмехаться» значит «дразнить».

Клаус вздохнул.

– Я *знаю*, что означает слово «насмехаться», – сказал он, но не добавил, что знает и то, что человека нельзя поднимать на смех из-за его имени. Порой люди считают, что если сироты несчастны, то и слабоумны.

Вайолет тоже вздохнула и развязала ленту. Она пыталась придумать изобретение, которое не подпускало бы к носу запах хрена, но слишком волновалась перед встречей с доктором Монтгомери и не могла сосредоточиться.

– Вы не знаете, какой наукой он занимается? – спросила Вайолет. Она подумала, что у доктора Монтгомери может быть лаборатория, которая оказалась бы для нее весьма кстати.

– Боюсь, что нет, – признался мистер По. – Я был озабочен вашим устройством, и у меня не оставалось времени на болтовню. А вот и подъездная дорога. Мы прибыли.

Мистер По свернул на крутую, посыпанную гравием подъездную дорогу, которая вела к огромному каменному дому. У дома была квадратная дверь темного дерева с несколькими колоннами по бокам. По обеим сторонам двери были вделаны лампы в форме факелов, которые ярко горели, несмотря на то что светило утреннее солнце. Над дверью в несколько рядов тянулись окна, и большинство из них были распахнуты. Самое удивительное находилось перед домом: громадная ухоженная лужайка с высокими, тонкими кустами причудливых очертаний. Когда машина мистера По остановилась, Бодлеры увидели, что кусты эти подстрижены в виде змей: змей длинных, змей коротких, змей с высунутыми языками, змей с открытыми ртами, обнажавшими зеленые, грозные зубы. Змеи были такими жуткими, что Вайолет, Клаус и Солнышко не сразу решились пройти мимо них в дом.

Мистер По шел впереди и, похоже, вовсе их не заметил, – наверное, потому, что давал детям наставления.

– Клаус, не задавай слишком много вопросов сразу. Вайолет, где твоя лента? Мне кажется, что с ней у тебя был более значительный вид. И пожалуйста, проследите, чтобы Солнышко не укусила доктора Монтгомери. Это испортит первое впечатление.

Мистер По шагнул к двери и позвонил. Такого громкого звонка детям еще никогда не приходилось слышать. Через секунду раздались шаги, Вайолет, Клаус и Солнышко перегляну-

лись. Они, конечно, не могли знать, что очень скоро с их невезучей семьей произойдут новые несчастья, и тем не менее им было не по себе.

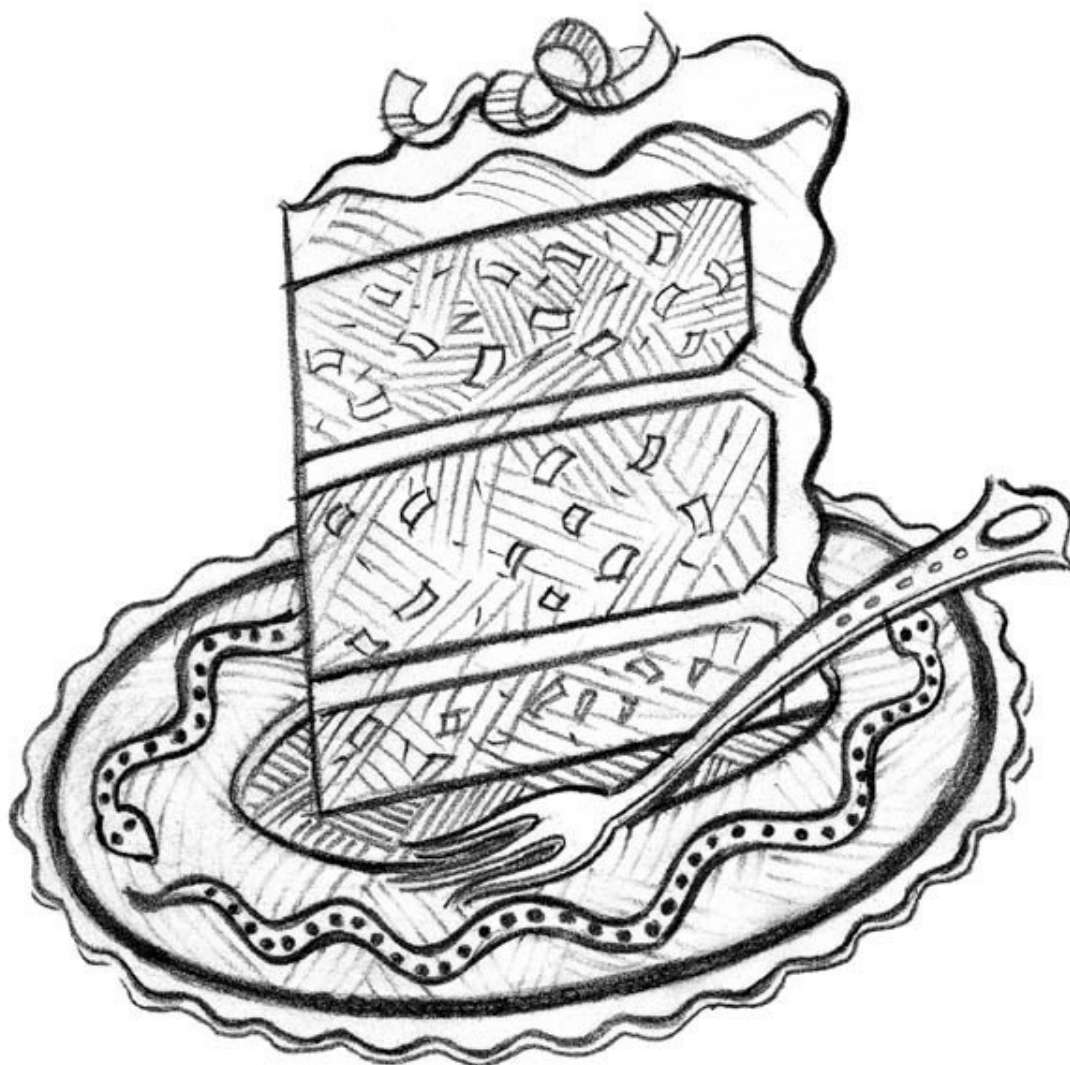
Добрый ли человек этот доктор Монтгомери? – размышляли они. – По крайней мере, лучше ли он Графа Олафа? А что, если хуже?

Дверь заскрипела и медленно отворилась. Затаив дыхание, бодлеровские сироты заглянули в темную переднюю. Они увидели темно-красный ковер на полу. Увидели какой-то предмет из цветного стекла, который свисал с потолка. Увидели большую писанную маслом картину с изображением двух переплетающихся змей, которая висела на стене. Но где же доктор Монтгомери?

– Привет? – неуверенно крикнул мистер По. – Привет?

– Привет, привет, привет! – громко прогудело в ответ, и из-за двери показался низенький пухлый человек с круглым красным лицом. – Я ваш Дядя Монти, и вы как раз вовремя. Я только что закончил печь кокосовый торт с кремом.

Глава вторая

– Неужели Солнышко не любит кокосы? – спросил Дядя Монти.

Он, мистер По и бодлеровские сироты сидели вокруг ярко-зеленого стола, и перед каждым лежал кусок торта Дяди Монти. Торт был просто потрясающий – пышный, с большим количеством крема и еще большим количеством кокоса. Вайолет, Клаус и Дядя Монти уже почти доели свои порции, но мистер По и Солнышко лишь откусили по маленькому кусочку.

– По правде говоря, – сказала Вайолет, – Солнышко не любит ничего мягкого. Она предпочитает очень твердую пищу.

– Как необычно для младенца, – заметил Дядя Монти, – но не так уж необычно для многих змей. К примеру, Барбара Жевалка – этой змее необходимо что-нибудь постоянно иметь во рту, в противном случае она начинает жевать собственный рот. Очень неудобно для содержания в неволе. Может быть, Солнышко хочет сырой морковки? Она очень твердая.

– Сырая морковь – это как раз то, что надо, доктор Монтгомери, – ответил Клаус.

Новый законный опекун троих детей встал из-за стола и направился к холодильнику, но вдруг резко повернулся и погрозил Клаусу пальцем.

– Никаких докторов Монтгомери, – сказал он. – Для меня это слишком по-докторски. Зовите меня просто Дядя Монти! Даже мои коллеги-герпетологи никогда не называют меня доктором Монтгомери.

– Что такое «герпетологи»? – спросила Вайолет.

– А как они вас называют? – спросил Клаус.

– Дети, дети, – суровым тоном проговорил мистер По. – Не так много вопросов.

Дядя Монти улыбнулся сиротам.

– Все в порядке, – сказал он. – Вопросы говорят о пытливом уме. Слово «пытливый» означает...

– Мы знаем, что оно означает, – перебил Клаус. – «Набитый вопросами».

– Ну что ж, раз вы знаете, что оно означает, – сказал Дядя Монти, протягивая Солнышку большую морковку, – то должны знать и что такое герпетология.

– Изучение чего-то, – сказал Клаус. – Когда слово кончается на «логия», то это изучение чего-то.

– Змеи! – воскликнул Дядя Монти. – Змеи, змеи, змеи! Вот что я изучаю. Я люблю змей и исколесил земной шар в поисках самых разных видов, чтобы изучать их здесь в моей лаборатории! Разве это не интересно?

– Интересно, – сказала Вайолет, – *очень* интересно. Но разве это не опасно?

– Нет, если, конечно, вы знакомы с их повадками, – ответил доктор Монтгомери. – Мистер По, может быть, вы тоже желаете сырой моркови? К торту вы почти не притронулись.

Мистер По покраснел и, прежде чем ответить, довольно долго кашлял в носовой платок.

– Нет, благодарю вас, доктор Монтгомери.

Дядя Монти подмигнул детям:

– Если хотите, мистер По, можете тоже называть меня Дядей Монти.

– Благодарю вас, Дядя Монти, – холодно проговорил мистер По. – А теперь, если не возражаете, у меня к вам вопрос. Вы упомянули, что постоянно колесите по земному шару. У вас есть кто-нибудь, кто приедет сюда и позаботится о детях, пока вы будете заниматься поисками своих образцов?

– Мы уже достаточно взрослые, и присмотр за нами не нужен, – поспешно проговорила Вайолет, хотя в глубине души и не была в этом уверена. Работа Дяди Монти представлялась ей очень интересной, но она все-таки сомневалась, что готова остаться с братом и сестрой в доме, набитом змеями.

– Об этом я и слышать не желаю, – заявил Дядя Монти. – Вы все трое должны ехать со мной. Через десять дней мы отправляемся в Перу, и я хочу, чтобы вы, дети, сопровождали меня в походах по джунглям.

– В самом деле? – От волнения глаза Клауса заблестели сквозь очки. – Вы действительно берете нас с собой в Перу?

– Я буду очень рад воспользоваться вашей помощью. – С этими словами Дядя Монти потянулся к тарелке Солнышка, чтобы откусить кусок ее торта. – Мой старший ассистент Густав совершенно неожиданно написал мне вчера письмо с заявлением об уходе. На его место я нанял человека по имени Стефано, но он приедет не раньше чем через неделю, поэтому я несколько запаздываю с приготовлениями к экспедиции. Кто-то должен проверить, что все змеиные ловушки работают как следует, чтобы мне не повредить образцы. Кто-то должен сделать выписки из книг по Перу, чтобы мы могли без всяких затруднений ориентироваться в джунглях. И кто-то должен нарезать длинную веревку на небольшие, пригодные для работы куски.

– Меня интересует механика, – сказала Вайолет, облизывая вилку, – поэтому я очень бы хотела узнать как можно больше о змеиных ловушках.

– А я обожаю путеводители, – сказал Клаус, вытирая губы салфеткой.

– Юджип! – впиваясь зубами в морковку, высказалась Солнышко, что, пожалуй, означало: «Я с восторгом разгрызу длиннющую веревку на небольшие, пригодные для работы куски».

– Прекрасно! – воскликнул Дядя Монти. – Ваш энтузиазм меня очень радует. Теперь мне будет легче обойтись без Густава. Очень странно, что он ни с того ни с сего от меня ушел. Жаль, что я его потерял.

Лицо Дяди Монти затуманилось. Здесь это слово означает «приняло немного печальное выражение, стоило Дяде Монти подумать о своем несчастье», хотя если бы Дядя Монти знал, какое несчастье ждет их в ближайшем будущем, то не стал бы терять ни секунды на мысли о Густаве. Как бы мне хотелось – уверен, что и вам тоже, – повернуть время вспять и предупредить его, но ничего не поделаешь – не можем. Видимо, Дядя Монти тоже решил, что ничего не поделаешь, а потому улыбнулся и тряхнул головой, выбрасывая из нее тревожные мысли.

– Ну что ж, пора приниматься за дело. Как я всегда говорю, живите настоящим. Проводите мистера По до машины, а потом я покажу вам Змеиный Зал.

Трое бодлеровских детей, которые недавно с такой опаской проходили мимо кустов-змей, теперь уверенно бежали через них, провожая мистера По до автомобиля.

– Итак, дети, – сказал мистер По, кашляя в платок, – примерно через неделю я вернусь, чтобы привезти ваши чемоданы и убедиться, что все в порядке. Я знаю, доктор Монтгомери мог показаться вам немного страшным, но уверен, что со временем вы привыкнете к...

– Он вовсе не кажется страшным, – прервал его Клаус. – Наоборот, с ним очень легко поладить.

– Мне не терпится увидеть Змеиный Зал, – взволнованно сказала Вайолет.

– Мика! – сказала Солнышко, что, пожалуй, означало: «До свидания, мистер По. Спасибо, что подвезли нас».

– Ну что ж, до свидания, – сказал мистер По. – И запомните, город отсюда совсем близко, поэтому, если у вас будут неприятности, свяжитесь со мной или с кем-нибудь из Управления Денежных Штрафов. Скоро увидимся.

Он неуклюже помахал сиротам носовым платком, забрался в свою маленькую машину и, съехав по крутой, посыпанной гравием подъездной дороге, свернул на Паршивую Тропу. Вайолет, Клаус и Солнышко помахали ему вслед, надеясь, что мистер По не забудет поднять стекла в машине, чтобы уберечь свой нос от едкого запаха хрена.

– Bambini! – позвал доктор Монтгомери от парадной двери. – Поторапливайтесь, bambini!

Бодлеровские сироты побежали через кусты туда, где их ждал новый опекун.

– Вайолет, Дядя Монти, – сказала Вайолет. – Меня зовут Вайолет, мой брат – Клаус и Солнышко, наша маленькая сестренка. Никого из нас не зовут Bambini.

– Bambini по-итальянски значит «дети», – объяснил Дядя Монти. – Мне вдруг очень захотелось немного поговорить по-итальянски. Ваш приезд очень меня взволновал, и вам повезло, что я не заговорил на каком-нибудь уж совсем непонятном языке.

– У вас никогда не было своих детей? – спросила Вайолет.

– Боюсь, что нет, – ответил Дядя Монти. – Вообще-то мне всегда хотелось найти жену и завести детей, только я постоянно об этом забывал. Показать вам Змеиный Зал?

– Да, пожалуйста, – сказал Клаус.

Через переднюю, где висели картины со змеями, Дядя Монти провел их в большую комнату с великолепной лестницей и очень-очень высоким потолком.

– Ваши комнаты будут там, наверху, – сказал он, указывая рукой на лестницу. – Каждый из вас может выбрать любую, какая ему понравится, и передвинуть мебель по своему вкусу. Я понимаю, что через некоторое время мистер По должен на своей крохотной машине привезти

ваши чемоданы, но все же составьте, пожалуйста, список того, что вам нужно, а завтра мы съездим в город, все купим, и вам не придется несколько дней ходить в одном и том же белье.

– У нас действительно будут отдельные комнаты? – спросила Вайолет.

– Конечно, – ответил Дядя Монти. – Неужели вы думаете, что я, имея такой огромный дом, запру вас в одной-единственной комнате, как в клетке? Кому вообще такое могло бы прийти в голову?

– Графу Олафу, – сказал Клаус.

– Ах да, верно, мистер По мне говорил, – сказал Дядя Монти, делая такую гримасу, будто проглотил что-то очень мерзкое. – Граф Олаф отвратительный человек. Надеюсь, его когда-нибудь растерзают дикие звери. Разве он этого не заслуживает? Ну вот, мы и пришли: Змеиный Зал.

Дядя Монти подошел к очень высокой деревянной двери с большой шарообразной ручкой в центре. Она помещалась так высоко, что ему пришлось подняться на цыпочки, чтобы ее повернуть. Когда обе створки двери распахнулись на скрипучих петлях, бодлеровские сироты ахнули от восторга и удивления.

Змеиный Зал был весь из стекла, с блестящими светлыми стеклянными стенами и стеклянным потолком, уходящим ввысь, как в соборе. Сквозь прозрачные стены было отлично видно зеленое поле с травой и кустами, и от этого казалось, что ты стоишь одновременно и внутри, и снаружи. Но как ни прекрасен был сам Змеиный Зал, его содержимое волновало еще больше. Рептилии, разумеется, помещались в запертых металлических клетках, четыремя ровными рядами расставленных по всей комнате. Естественно, там были все виды змей, но еще и ящерицы, и жабы, и другие животные, такие, каких дети никогда прежде не видели ни на картинках, ни в зоологическом саду. Там была очень толстая жаба с двумя растущими из спины крыльями и двуглавая ящерица с ярко-желтыми полосками на животе. Там была змея с тремя ртами, расположенными один над другим, и еще одна змея, у которой рта, казалось, не было вовсе. Там была ящерица, похожая на сову, – ее огромные круглые глаза смотрели на детей с бревна, на котором она сидела, и жаба с глазами, похожими на церковные витражи. Одна клетка была целиком накрыта белой тканью. Идя вдоль клеток, дети в изумленном молчании всматривались в каждую. У одних существ вид был дружелюбный, у других жуткий, но все они завораживали, и Бодлеры внимательно разглядывали каждого, при этом Клаус держал Солнышко на руках, чтобы ей тоже было видно.

Клетки так заинтересовали сирот, что они даже не заметили того, что было в самом конце Змеинового Зала, пока не прошли вдоль каждого прохода. Но когда они там оказались, то вскрикнули от восторга и удивления одновременно. Здесь, позади рядов и рядов клеток, тянулись ряды и ряды книжных полок, уставленных книгами разных форм и размеров, между ними стояли столы, стулья и в углу несколько ламп для чтения. Уверен, вы не забыли, что у Бодлеров-родителей было огромное собрание книг, которое сироты часто вспоминали и которого им страшно не хватало. Дети всегда были рады встрече с человеком, который любит книги так же, как они. Вайолет, Клаус и Солнышко осмотрели книги не менее внимательно, чем клетки, и сразу поняли, что большинство из них посвящено змеям и другим рептилиям. Казалось, на этих полках выстроились все книги по данной теме от «Введения к большим ящерицам» до «Кобра-гермафродит. Уход и питание», и трое детей, особенно Клаус, уже предвкушали удовольствие, с которым они будут изучать все, что связано с обитателями Змеинового Зала.

– Поразительное место, – наконец сказала Вайолет, нарушив долгое молчание.

– Благодарю, – сказал Дядя Монти. – На то, чтобы собрать все это, у меня ушло полжизни.

– И нам действительно разрешается приходить сюда? – спросил Клаус.

– *Разрешается?* – повторил Дядя Монти. – Да нет же! Вас *умоляют* приходить сюда, мой мальчик. С завтрашнего утра мы все каждый день должны готовиться здесь к экспедиции в Перу. Вайолет, я освобожу один стол, и за ним ты будешь работать над ловушками. Клаус,

я надеюсь, ты прочтешь все книги о Перу, какие у меня есть, и сделаешь из них подробные выписки. А Солнышко может сидеть на полу и откусывать куски от мотка веревки. Мы будем работать целый день до ужина, а после ужина ходить в кино. Не возражаете?

Вайолет, Клаус и Солнышко посмотрели друг на друга и улыбнулись. Совсем недавно бодлеровские сироты жили у Графа Олафа, который заставлял их колоть дрова и убирать за его пьяными гостями, а сам тем временем думал, как бы украсть их состояние. Дядя Монти только что описал прекрасный способ времяпрепровождения, и дети радостно улыбались. Какие там возражения! Вайолет, Клаус и Солнышко во все глаза глядели на Змеиный Зал: конец всем бедам! Теперь они под опекой Дяди Монти! Сироты, конечно, ошибались, но в этот краткий миг они были счастливы, взволнованны и полны надежд.

– Нет, нет, нет, – взвизгнула Солнышко, пожалуй отвечая на вопрос Дяди Монти.

– Да, да, да, – улыбаясь, сказал Дядя Монти. – А теперь идемте и посмотрим – кому какая комната приглянется.

– Дядя Монти, – робко проговорил Клаус, – у меня только один вопрос.

– И какой же? – спросил Дядя Монти.

– Что в клетке, закрытой тканью?

Дядя Монти взглянул сперва на клетку, потом на детей. На его лице сияла счастливая улыбка.

– Это, мои дорогие, новая змея, которую я привез из моего последнего путешествия. Кроме нас с Густавом, ее никто не видел. В следующем месяце я представлю ее на собрании Герпетологического общества как новое открытие, а пока что позволю вам на нее взглянуть. Встаньте в кружок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.